

Максим Кузнецов

ЗАПИСКИ РЕАНИМАТОЛОГА

2012

*Книжная типография
БЯКИ ВЕДИ*

УДК 82 – 3
ББК 84(2Рос)
К89

К89 Максим Кузнецов

Записки реаниматолога — М.: ООО «Буки Веди», 2012. — 152 с.

ISBN 978 – 5 – 906069 – 91 – 7

ISBN 978 – 5 – 906069 – 91 – 7

© ООО «Буки Веди», 2012 г.

© Кузнецова Н.Л., Кузнецов В.Г., 2012 г.

Максим Кузнецов

ЗАПИСКИ РЕАНИМАТОЛОГА

Год назад Макс попросил помочь с изданием этой книги — отредактировать, найти издательство, проконтролировать процесс. Что я и делаю с тоской и запоздалым восхищением.

Галина Резапкина

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕД ПРОЧТЕНИЕМ	7
I. ЛЮДИ И НЕЛЮДИ	10
О Перельмане вообще и о гениях в частности	15
Захаров.....	20
О справедливости	22
Вирусоносители.....	24
Двойной тариф	27
Будущие медики	32
Страшнее милиционера	34
Становясь капитаном, храните матроса в себе	37
Status idem	41
II. ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ.....	49
Как появился SoftTime?	44
«Грачи» и «неврипатологи»	49
Армия отдыхает.....	52
Абсолютный слух.....	55
Имя-отчество	58

Этим скальпелем руки бы вам	61
Разные тональности	65
Своим примером	68
Сверхмотивация.....	72
Учиться никогда не рано.....	75
Век нынешний и век минувший.....	80
Моменты любви	83
III. НАДМЕДИЦИНЬЕ.....	87
Синий троллейбус.....	87
Был бы дефибриллятор	94
Гештальт завершен.....	97
Наши внутренние ритмы.....	98
Три минуты тишины	101
Самое главное	105
По закону рифмы	109
Рок.....	112
Дембельский аккорд.....	116
VI. ВОЙНА.....	120
Что такое война	120

«Максу от Кольки»	123
Нужно ли обсуждать приказы?	125
Другая правда.....	127
Мечтать опасно.....	131
Стихореанимация	134
Пик отношений	137
Черный тюльпан.....	142
Памяти ребят	144
НА ПРОЩАНИЕ.....	149

ПЕРЕД ПРОЧТЕНИЕМ

Максим Кузнецов ушел. Не могу осознать, что пишу о нем то, что он может теперь прочесть только Оттуда.

Два года тяжело болел, принимал болезнь с кроткой мужественностью, весь оставался в людях, в работе, в планах и мечтах, в страсти жить и творить, и невозможно было помыслить, что...

Но вот так. Оказалось, давно все висело на волоске. И оборвалось.

Жизнь получилась по длительности маленькой, но огромной по наполненности, о ней можно написать многотомный роман. Вместила вундеркиндство и каторжный труд, слабость и силу, заблуждения и прозрения, вражду и дружбу, войну и любовь, сыновство и отцовство, бизнес и поэзию, подвижнический аскетизм и гульбу, ярость и нежность, молитву и юмор...

Человек совершенно особенный. Больше, чем человек: слишком уж много в одном всевозможного. Такой адекватный, такой свой со всеми и каждым — и резко отдельный, ни на кого не похожий, ни с кем не отождествимый. Иногда злой, саркастичный и грубый. Иногда детски нежный. Иногда эпически спокойный, невозмутимый, почти

наркотически успокоительный. Иногда весельчак, заводила, безбашенный лихач. Иногда докторски собранный, внимательный, проникновенный и точный, весь в собеседнике. Открытый и закрытый, понятный и непонятный, здешний и нездешний: «в миру и не от мира».

Несколько лет назад я дал объявление, что ищу вебмастеров для поддержки сайта. Среди отозвавшихся особняком оказался человек, назвавшийся руководителем студии SoftTime и предложивший безвозмездную помощь.

Тонко вырезанное лицо с нежной кожей, анфас архетипно русское — Иванушка из сказки, а в профиль утонченно-европейское, как со старинной гравюры, напоминающее один из портретов Моцарта. Всепокоряющая улыбка, светлые, наивно сияющие глаза. Разговорившись, заметил в глубине этих глаз вольтовы дужки ослепительной боли. На какие-то мгновения проглядывал снайперский металл.

Они уже видели войну, кровь и много смертей, — это узналось потом (они многожды уставлялись в черную бездну). Руки, тонкокостные, почти женской фактуры, артистичные руки с изящными длинными пальцами, созданные для клавиш и струн, — руки эти, оказалось, железно могучие: у меня кисть не слабая, но его вполсильное рукопожатие ее чуть не сплющило. Курок и скальпель, плавкран

и гитара, плоть человеческая и перо писательское подвластны были этим рукам.

Он мог совершить здесь еще очень и очень многое, он только еще начинал, только испытывал себя и вживался в жизнь, только искал, метался, нащупывал. И вот вдруг улетел, не дожив до Христовых тридцати трех, и унес с собой тайну своих даров, своей невероятно многоцветной души, кладезя, из которого лишь крупница зачерпнуться успела...

Владимир Леви

ЛЮДИ И НЕЛЮДИ

Джеральд Даррелл

В детстве я был очень непосредственный пацан. И решил написать Дарреллу¹. Родителям сказал: «Пишу письмо Дарреллу». Они мои слова мимо ушей пропустили. Мол, чем бы дитя ни тешилось, пускай хоть космонавтам на орбиту пишет. Я дико на них обиделся за такую реакцию. А Даррелл ответил. Лично. Прислал фотку и подарок. Пригласил в гости к себе в зоопарк и в учебный центр. Понятное дело, не получилось. Денег тогда никаких не было, да и кто б меня отпустил в этом случае дальше психбольницы.

Мы стали переписываться. А потом и созваниваться. У нас тогда телефона ещё не было, но я уже бредил медициной и химией одновременно и упросил меня взять посмотреть, как работает лаборатория биохимии, что при реанимации. Разрешили. Потом разрешили самому делать ряд анализов. А потом по ночам вообще уходили и оставляли одного. Несмотря на то, что годков мне тогда было совсем ничего.

¹ Джеральд Малкольм Даррелл (1925-1995) — знаменитый английский учёный, зоолог, писатель

И вот я стал звонить по ночам Дарреллу. Вернее, у нас-то ночь, у него — поздний вечер. И в одну из ночей, когда я как раз рассказывал, что меня вот одного оставили, несмотря на возраст, а он, шутя, отвечал, мол, «для нас, гениев, это нормально, меня тоже в зоопарке одного оставляли», заявился главный врач. У главнюков почти у всех бывают временные отклонения в психике, когда они вдруг среди ночи приезжают. Застав в лаборатории реанимации пацана, который калякал по телефону, а не того, кто там должен быть, он сильно изумился. Очень сильно. Спросил, чего я тут делаю и где все. Ответил, что «все» вышли куда-то, а мне вот просто разрешили позвонить в Англию.

Далее я ему сказал всю правду. Он не поверил. Ещё раз рассказал. Короче, долго вышло. Настолько, что ему хватило времени понять: все, кто должен быть на рабочем месте, вышли куда-то очень далеко (они домой ездили). И я ему предложил позвонить, если не верит, и самому поговорить. И чудом нашел в своей сумке фото, которое Даррелл прислал.

С главным произошла метаморфоза. Он — поверил. И сказал, что будет очень благодарен. И выскочил куда-то. Куда — я понял, только когда он прибежал — sic! — обратно.

В первый раз он пришел в халате поверх рубашки. А тут надел галстук, костюм, и на мой недоуменный взгляд ответил: «С таким человеком буду беседовать, нужно быть при форме».

Спустя много лет вспоминали с ним тот случай. Поржали всласть.

Джерри, кстати, был очень грустным человеком. И достаточно жестким. Я пару раз слышал, когда позвонил в рабочее время. Рассказывал мне про Иегуди Менухина — они дружили, и он был частым гостем в доме Даррелла в Провансе. Скрипка, на которой он там играл, в его доме. И когда я там был, я не мог не зайти в дом Даррелла. Когда узнали, кто я и почему приехал, то даже предложили поиграть на скрипке Иегуди Менухина. Я ответил, мол, увы, на скрипке играть не могу, дайте хотя бы её в руках подержать.

— А на чем-нибудь играете?

— Да на многом. На всех гитарах, на фоно слегка. На барабанах. Ну и так по мелочи — на балалайках там и всякой другой ерунде.

И тут мне стали рассказывать историю, как Даррелл заказывал для нас с ним гитары ручной сборки. Всего гитар было три. Одна не понравилась высокой приемной комиссии. И она

осталась в том доме. А две ушли в Россию. Мы тогда только начинали концерттировать, и все удивлялись, откуда такой звук?

...Помню, в 2006-м приехали на концерт в Плёс. Шестьсот с чем-то человек. Я должен был исполнять Свиридова. Романс к «Метели». И взял с собой эту гитару. И звукорежиссер — глупый — говорит, че за гитара, фирмы² такой то нету! А умный — и сильно пожилой — говорит, вали отсюда, ты не знаешь, что это за фирма, потому что таких гитар в России несколько штук. И меня спрашивает — откуда инструмент. Отвечаю, мо, извините, не скажу. Но — ручная сборка за границей. Он — «да я уж понял».

Благодаря Дарреллу я полюбил змей. Хотя в детстве их очень боялся. Это произошло ещё до личного знакомства — по книгам. Я написал историю, как книги Даррелла отучили меня бояться змей, выслал фото, где я, десятилетний, с удавом на шее. Её тут же поместили в экспозицию, она и сейчас в музее Даррелла. Это — любимая фотография. Вместе с таким же фото самого Джерри. Счастливы хоть так постоять рядом с этим человеком.

Дарреллу я тогда переводил Высоцкого. С которым они, кстати, были знакомы. Неоднократно встречались

² Clevan

во Франции. Об этом факте в биографии Высоцкого никто почему-то не знает.

Мне потом говорили, что он очень меня любил. И говорил — сложная жизнь будет у пацана.

...Он знал четко, когда. И мы в страшном ритме планировали, что сделать по моей части из того, что не успел он. Он дико извинялся, что сваливает на мой пятнадцатилетний мозг слово СМЕРТЬ. Но, говорит, я прекрасно понимаю всё, — момент конца, — и хочу, чтобы то, что пришло в голову на излёте, досталось не дуракам. Пацан, дотяни!

Я его звал Джеррюха. В последний год его жизни. Ему очень нравилось. Рифмуется с русским Максьюха.

Ну как тебе там, брат Джеррюха,
Чиста потусторонняя вода?
Звонит тебе твой брат Максьюха,
Тот, что с тобою навсегда.

...И будут там яркие краски
И будет просторен дом...
И там я с овчаркой Ласки
Вновь встречу на свете том.

...У пацана астма страшная была. Я дал ему почитать Даррелла. Он влюбился в него, не зная, что я был с ним знаком. Читая Дарелла, стал отвлекаться от своих приступов. И когда я ему подарил книгу с дарственной надписью Даррелла, астма прошла полностью. Как не было. Разработались сосуды бронхов. На мой гонорар за это лечение он полетел на Джерси. В зоопарк Даррелла. Я ему все эти деньги отдал, не взирая на оры родителей, сказал, езжай, поклонись Джеральду Малкольму Дарреллу.

О Перельмане вообще и о гениях в частности

Депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Михаил Кучеренко предлагает администрации города отремонтировать старый обшарпанный дом в районе Купчино дом, в котором живет ученый Григорий Перельман. Эту инициативу депутат объясняет желанием поднять имидж города в глазах многих иностранных журналистов, ищущих встречи с ученым.

Я уверен, что плевать Перельман хотел и на журналистов на имидж города, и на тех, кто этот город возглавляет. От него это всё настолько далеко, что... У него

абсолютно другая шкала ценностей, не коммутирующая с мировоззрением многих других людей. Наверное, в немалой степени из-за этого он и доказал теорему Пуанкаре.

У меня большие сомнения, что ее доказал бы, живя в обычной нашей мирской суете. Мне лично такой образ жизни не очень близок, но я его более чем понимаю. И понимаю, что почти все гениальные люди — реально не от мира сего. От другого...

И подходить к объяснению их поступков с обычной меркой — дело глупое. Гении, подобные Перельману, ездят по своим правилам дорожного движения, поэтому с этим чужим для них миром стараются не пересекаться.

Я представляю, как чиновники питерские сейчас матерятся, что у них имидж города обвисает в глазах инопрессы. А подходца-то найти не могут. Не их уровня человек. Понять их мотивацию ни один чиновник не сможет. Чиновники слишком нормальны, а для того, чтобы именно понять мотивацию поступков того же Перельмана, нужно самому быть немножко...

У меня есть знакомый в Питере, который несколько раз видел Перельмана. Он меня спросил, что ему надо сказать, чтобы он хотя бы на минуту остановился

и задумался. Я придумал фразу. В очередную случайную встречу, где-то через полгода, когда я уж и думать забыл об этом, мой знакомый её таки произнес. Попал в точку. Перельман задумался ненадолго. И ответил даже Очень умно. Как — не скажу. Пусть это останется нашей маленькой тайной.

Я знаю психолога, который гениально спасает самоубийц. В обычной жизни — полный психопат. Но когда работает с потенциальным самоубийцей, письмом ли, или очно, это гений, который из разбившихся зеркал прежней жизни складывает мозаику будущей жизни человека. Складывает так, что самоубийца понимает, как глупо уходить, да ещё по своей воле, когда впереди ещё столько интересного и хорошего. Но этот труд на самых запредельных по высоте нотах почти всегда имеет свою обратную сторону. У всех разную.

Бывает, иногда и музыка обрывается на самой высокой ноте... Как это случилось с Высоцким. Который не мог не уйти в том июле 80-го. Потому что, если б не ушел, был бы спад в высоте творчества. А это уже было бы не по-высоцки... Не того склада был Владимир Семенович, чтобы уйти, подзатаиться, и потом снова вернуться... Он мог жить только на пределе.

А бывают ещё гениальные хронические алкоголики. Как другой мой знакомый, врач-реаниматолог. Он гений реанимации. Но как только пришел со службы — «да» на «два» не умножит. Перед дежурством — выхаживание. Дежурство — трезвость, энциклопедическая эрудиция, золотые руки и гениально спасенные жизни. За чашкой чая в редкие свободные минуты — приятнейший собеседник, поражающий остротой своего ума и суждений. После дежурства — психохлам: мозг отдыхает.

Гении и таланты живут не обычной мирской жизнью, а Призванием. Призвание Перельмана — топология³. Практически монашеское служение своему Призванию позволило ему взойти на ту вершину, где он — один. Это — Его Вершина. А там не нужны никакие медали Филдса: все знаки отличия, принятые в суетном мире, там мишура... Призвание моего товарища реаниматолога — спасти Жизни. И для него всё остальное не существует. Призвание того психолога, выправляющего чужие судьбы — быть для людей мудрым лоцманом на сложных жизненных маршрутах. И всё, что мешает исполнять своё Призвание, отсекается.

³ Раздел математики, занимающийся изучением свойств фигур (или пространств), которые сохраняются при непрерывных деформациях, таких, например, как растяжение, сжатие или изгибание.

Перельману для того, чтобы сделать своё главное Дело, мешало почти всё, что есть в этом мире. Он и всё отсёк. И сделал Дело. Не отсёк бы — гипотеза Пуанкаре, быть может, ещё сотню лет была бы недоказанной. Аналогично — не будь алкоголиком вышепомянутый врач-реаниматор, многие были бы уже на кладбище. Аналогично не будь в жизни обычной тот психолог психопатичной личностью — тоже шиш бы многие землю по сию пору топтали...

Закономерный вопрос: а есть ли гении — не психопаты, алкоголики и прочее, в общем, могут ли гениальные люди грамотно совмещать свою гениальность с общепринятыми нормами жизни? Которые и теоремы гениально доказывают, и при этом не пьют, не колются, не стреляются, не психопаты, не отшельники...

Есть такие. Но немного. Все-таки, пожалуй, на уровне исключений.

В эти исключения стремятся все. Выскочить удается далеко не всем.

Захаров

Субботним утром 1 августа 1998 года мама разбудила меня и сказала: «Вставай. Александр Михайлович Захаров умер». Меня он знал еще трехлетним ребенком. В то время он был капитаном «Ракеты-111», потом стал начальником порта... Его фотография — у меня в столе.

На его похоронах было ощущение, что теперь умирать не страшно. И там же придумалась такая строфа:

Когда придет время тельняшку
На черный бушлат поменять —
Мне есть утешенье: компашка
Отменная там собралась.

«...Максимка, ты еще не понимаешь, как важно в жизни не см...диться. И как сложно. Ты сам не заметишь, как уже лижешь чью-то ..., и тебе становится приятно, что лижут тебе. И вроде все прекрасно: фуршеты, банкеты. Но только с этого момента ты никому не нужен кроме тех двоих, которому сам лижешь и который лижет тебе... Помнишь, как у Володьки, только сегодня слушали («Про козла отпущения» и «Чужая колея» В.С. Высоцкого).

...Ты не представляешь, Максимка, как много дерьма плавает с тобой по реке одним и тем же курсом. Хорошо

глубины гарантированные, на банку не сядешь⁴. Но как иногда хочется сойти с фарватера и рвануть по перекатам...

...Берем тех людей, которым ты нужен как Максимка... Я как Александр Михайлович не представляешь, скольким нужен... Те, которым ты скоро будешь нужен как Максим Валерьевич, будут приходить и уходить (по мере надобности), а вот если вот если останешься без первых...»

Как-то он мне сказал, что он вообще-то не руководитель, так как не умеет разбираться в людях и т.д. Я сказал, что тоже, наверное, им не буду. Ответ: «Нет, ты сможешь, если придется. У тебя даже сейчас какой-то рысий взгляд проявляется».

Не знаю. Не видел. Может быть, и так.

За три недели до смерти он заходил к маме на работу. Спросил про меня, про мигрень. Мама сказала, что я с ней научился жить. «Уважаю я твоего мужика». За такие слова я бы научился жить с чем угодно.

Совсем за немного до смерти сказал мне: «Надо встретиться как-нибудь. Я тут в связи с этой забастовкой⁵ кое-какие выводы интересные сделал. Вот все встретимся и поговорим».

Больше живым я его не видел...

⁴ Мель

⁵ Забастовка в Дзержинском речном порту, подточившая здоровье Захарова А.М., после ухода которого порт развалился и прекратил свое существование.

О справедливости

Чинуша, у которого я как-то просил денег на реабилитацию пострадавших бойцов, мне тогда сказал: чего ты на меня уставился, загипнотизировать, что ли меня хочешь?

«Ну, давай, — говорит, — я сейчас сожму руки и разожму их, — ничего у тебя не получится!»

У меня и в мыслях ничего подобного не было — человек сам с собой разговаривает... И вот такая придурь — во власти...

Кричит: «Да если я хоть кого в жизни обворовал, то мои руки ни в жисть не разожмутся, а если я их разожму, то тебя отсюда ср@ным веником выгонят!!!»

Сжимает руки. И ...не может разжать.

Там такой ор был! Потом слезы. Потом плач и мольбы. Человек впервые в жизни, судя по всему, понял, что он не над всем властен. Я-то таких примеров видел много, а он, видать, впервые. Он меня плачем умолял: сделай обратно! А я его ж не гипнотизировал. Конечно, знал, почему так произошло, и что нужно сделать для того, чтобы вернуть чинку нормальное состояние. Но ничего делать не стал. Вышел в приемную, говорю секретуторше: «Там у вас шеф самозагипнотизировался, зовите кувалдную бригаду, чтобы ему руки разжали».

...Пожалел я того чиновника. Уже выйдя из здания, решил вернуться. Доктора Гааза вспомнил. Я разжал руки этому балбочину парой слов и объяснил, что причина — в нем и только в нем, что нельзя так нагло врать. Потому что других обмануть можно, а свою подсознанку — никогда. И не нужно врать самому себе, говоря, что «да если я хоть кого в жизни обворовал, то мои руки да ни в жисть»... Опасное это дело. Пример — вот он.

Ещё примеров — масса. Многие наши и не наши «аллигархи» сильно несчастны на самом деле. Потому что у Бога индульгенцию не купишь. А несчастны многие сильно.

Сложно вернуть в ряды психически живых дочь, у которой с психикой полный облом после того, как её не приняли зрители... А ей так хотелось стать певицей. И даже почти стала: концерты, съемки на ТВ, но... На ненадолго. Хотя у них было всё — деньги, власть... У них не было только одного — таланта художника. Который не покупается. Трагедия той девушки была в том, что она понимала: на её концерты ходят только проплаченные клакеры. И от осознания этого она рехнулась. Говорят, окончательно.

Сложно вернуть в жизнь сына-наркомана, который уже по всем прогнозам почти что там... Есть в Москве несколько клиник, где лечатся дети высокопоставленных

чиновников, олигархов и воров в законе. Это, пожалуй, единственное место, где можно увидеть чиновничьи-олигархическо-воровские слезы. Только эти наши «высокоподставленные» не понимают, за что им это, за что к ним так жизнь несправедлива.

А жизнь ведь более чем справедлива. Люди ведь совсем немного просят. Чтобы в харю не плевали. А те, кто плюют, — пускай следят за руками.

Вирусоносители

Как-то в непарламентских выражениях рассказал одному нашему местно-областному депутату, что такое работа на реанимации (или «в реанимации» если речь не о Скорой, а о стационаре). Не поверил. Я его пригласил сутки отъездить со мной, когда я буду дежурить. Он, бахвалясь, согласился. На первом же вызове — токсикология — он, прощу прощения, облевался. На втором — рубленая рана лица топором — брякнулся в обморок. Я пожалел уже, что его пригласил. И так полный п...ц, так ещё и с ним возись.

Я ожидал, конечно, что он будет потрясен тем, что увидит, так как многие не представляют, с чем нам приходится

сталкиваться, но не ожидал, что настолько. На третьем вызове он обоср@лся. В прямом смысле слова. «Остановите машину!!!» Ага, щас. Я пациента под сиреной мчу в стационар, и из-за тебя вот встану. «В штаны ...» был ответ. Что он и сделал.

Мне потом коллеги говорили: «Ну ты и садист, МВ! Но мы тебе благодарны, что ты затащил хоть одного из этих м...даков посмотреть на нашу работу».

А с тем депутатиком дальше совсем смешно было. «Я пошел, до свидания». «Куда ты пошел?! Сутки, значит, сутки. А если я сейчас как ты вот все брошу и уйду? Это у вас в ваших бл...дских кабинетах все просто — захотел и ушел. А у нас с дежурства можно уйти только в одно место — на небеса. Поэтому хоть со ср@ной ж...пой, но эти сутки со мной достоиньш». А со мной, хоть я совсем не мачо по внешности, в таких случаях лучше не спорить.

И он, депутат этот, сутки со мной отбыл. Уходил под утро, вернее, уползал, с зеленым лицом и сумасшедшими глазами. Мой фельдшер — интеллигент в пятом поколении — не выдержал и обматерил его: «Ты х...ли, муд...ло, шатаешься? Мы все трое идем нормально, хотя отпахали на будь здоров, а ты даже носилки не помог донести!!! Посмотрел, сука, на нашу работу?!» Это он так потому, что,

когда мы на смену вставали, депутат нам прочитал депутатскую нотацию. Потом, ему, правда, уже не до нотаций было. А только до сортира

Многие горячо-неумные головы считают, что со злом бороться бесполезно, все равно его до конца не переборешь. Нет, конечно. Но зло, если на него молча смотреть, имеет тенденцию к быстрому распространению. Это как с инфекционными заболеваниями: когда концентрация патогенных вирусов или микробов превышает норму, организм заболевает. Если заболевание не лечить — организм умирает.

У зла есть конкретные носители: люди. Которые вообще имеют свойство на протяжении жизни меняться. Я знал одного мента — наглеца, лизоблюда и грубияна. Людей бил на допросах и ещё много всяких пакостей делал. А потом вдруг совершил геройский поступок, за что был заслуженно представлен к высокой награде. От которой отказался. Я его спросил тогда не без издевки, чего, мол, отказался-то? Ведь это же предел всех твоих мечтаний всю жизнь был. А он на меня очень серьезно посмотрел и ответил: «Это я во искупление».

И после этого случая человек изменился резко. Потому ещё недолго поработал в МВД, и ушел в священнослужители.

По иронии судьбы я, который был с ним уже не то что на ножах, а на пистолетах, оказался одним из немногих, кто знает его нынешнее место службы. Уже в церковном сане. Почему-то ему захотелось доверить эту сокровенную тайну человеку, который в бытность его мвдэшником ненавидел его более других. Я ездил в ту церквушку — другой человек. Абсолютно.

Увы, бывает и противоположное: когда герои оскотиниваются. *C'est la vie...*

Двойной тариф

Достали меня эти таксисты, вечно жалуются, что им государство чего-то должно... И это всё, что им должно государство, они берут со своих клиентов. Особенно меня бесит, когда начинают рассуждать о бесплатной медицине, что вот, она, мол, уже стала платной, какой ужас, куда государство смотрит. Вот когда это говорит таксёр, мне всегда в харю ему хочется плюнуть. Потому что я не понимаю, с какого хна он может драть с клиента бешеные деньги, а доктор должен его спасать бесплатно? Никто мне ещё из них этой антиномии не объяснил.

Я им говорю: ребята, вы просто отвязавшиеся нахалы, ничем не лучше наших олигархов. Так как цена у вас завышена в километры раз. И совести нет никакой: на любой ситуации накрутки делаете. Мне так и хочется, чтобы им как-нибудь в реанимации выставили прайс по такому же принципу. Отек легких развился? + 10000. Почему так дорого? Прости, дорогой, с этим твоим отеком я всю ночь буду прыгать. А сколько ты за час своей работы берешь? Есть ещё вопросы?

А если вопросы остаются, я людям простыми арифметическими действиями рассчитываю их маржу. У меня большой опыт составления бизнес-планов. И считаю я быстро. После расчета мне обычно говорят так: «Не хотите, не пользуйтесь». Я на это одному ответил: «Ты мне, говорю, только что плакался, что в такси работы мало стало, что заработки упали. И тут же говоришь — не хотите, не пользуйтесь. Да и не пользуюсь, уже, милый друг. Потому и заработки у вас упали. Потому что только по большой нужде ваши бл...дские колесницы вызываем. И я, говорю, пойми ты меня, голубь мой ненаглядный, не торгуюсь с тобой. Я цену знаю. Вызвал — заплачу. Я прошу одного: заткнуться и не жаловаться мне на жизнь. И не спрашивать меня о медицине

или о компьютерах. Потому что цена моей консультации гораздо выше, чем цена провоза меня от точки А до точки Б».

...Обижаются люди, когда так говорю: «Я с тобой просто поговорить хотел, а ты...»

«А я, — отвечаю, — с тобой просто покататься захотел, а ты...»

Когда говорил таксистам про медицину, мне почти все из них ответили практически одинаково: ну у нас же сфера услуг, а здесь же медицина, жизнь человека... Вот забибись люди рассуждают: если я оказываю услуги, то это должно быть платно. Причем — очень платно. А если мне — то это должно быть бесплатно. Ай, молодцы! Один тут радовался: я, говорит, медикам, которые меня лечили, извернулся и ни х...я не заплатил.

— Почему, — спрашиваю.

— Х...во лечили, — отвечает. И ржет.

Подъезжаем к дому.

— Сегодня ты меня вёз бесплатно, — говорю ему.

— ?!

— Х...во вёз.

И ржу, как он.

Я провел как-то эксперимент. 9-го мая нужно было

развезти ветеранов. У нас были свои машины, но я ради хохмы подошел на «точке» к таксистам и поспрашивал цену. Сколько из восьми таксистов согласились подвезти ветеранов бесплатно?

НИ ОДИН?

Неправильный ответ. Вернее, правильный, но не совсем. Действительно — ни один. Но это — полправды. А полная в том, что пять из восьми ответили, что у них сегодня ДВОЙНОЙ ТАРИФ. Для ветеранов...

Я запомнил тогда все номера тех машин. Один номер уже сыграл. Едем — впереди ДТП. Такси в дерево улетело. Выскакиваем, подбегаем.

— ...Я ничего делать не буду.

— Как?! Ты же можешь...

— Помогалка сломалась. И вообще я ныне программист. Я всё забыл.

— ?!

— Поехали. Скорую и спасателей вызвали, приедут — разберутся.

— ?! Ну он же, он же!!!... Весь в крови и дергается!!!

— Ничем не могу помочь. Я программы пишу.

— Бл., он же сейчас ...

— На войне как на войне.

...Почему не стал оказывать медпомощь? Пассажиров не было, а на него мне... Не то чтобы даже наплевать... Я к таким людям отношусь по иртеньевскому принципу: «Я с ним в разведку бы пошел, чтоб он оттуда не вернулся».

Потому что люди, у которых
для ВЕТЕРАНОВ
в ДЕНЬ ПОБЕДЫ
ДВОЙНОЙ ТАРИФ

— это не люди. Это фашисты. Именно так их и нужно называть и, как следствие, соответственно к оным и относиться.

Меня потом товарищи-медики спрашивали, сколько мне нужно было силы воли, чтобы не подойти. Честно ответил, что нисколько. Я смотрел на это ДТП, как наши солдаты смотрели на горящий фашистский танк.

Потому что на войне — как на войне. Тьфу. На рынке — как на рынке, хотел сказать.

И нас учили воевать. Тьфу. Учили жить в условиях рыночной экономики, где нет места совести. И люди, берущие с ветеранов войны деньги в День Победы, для меня ровно тоже, что и для ветеранов фашистская погань.

И с ними я разговариваю сугубо по-военному... Тьфу. По-рыночному...

Будущие медики

Иду с товарищем по вокзальной платформе и сзади слышим крик-вскрик. А только что подошла электричка. Говорю: «Очередной дурак неудачно спрыгнул с платформы». Точно. Таких случаев — полно каждый месяц. Люди не понимают: чтобы удачно прыгать с высоты на неудобное покрытие (коим и являются рельсы), нужно вообще-то умно тренироваться. Все свято верят, что если пять раз сошло, то сойдет и шестой. Увы. Не так.

Замучился я тогда с тем прыгуном до приезда «Скорой помощи». Мало того, что перелом, так у него ещё и шок пошёл. Мы вкололи ему там много чего из того, что было в фельдшерской вокзальной аптечке из обезболивающих и сердечных. Меня поразило, что сей кадр полгода назад уже ломал ногу. И при этом — с платформы сигать! Сократил себе путь, называется. До травматологического отделения.

...После действий его товарищей я четко понял, что людской идиотизм неисчерпаем. Лежит человек на рельсах, около него суетятся помогающие, и тут его дружки и подружки делают следующее. Один начинает нас фотографировать, а другая звонит своей подружке и говорит: «Витька

убился! Ой, да... Насмерть. Спасти не смогли. Вот лежит на рельсах. Электричка сшибла. Его сейчас Ленька фотает».

Когда я доделал уколы, эта дура ещё передавала по телефону свои репортажи с места событий, теперь уже маме: «Мама, ты не представляешь!!! Он уже помер, а его ещё чем-то колят!» Хотел бы я посмотреть в глаза маме, которая воспитала такую кретинку.

Леньке-фотографу, видать, стало завидно, и он тоже решил позвонить товарищам. В этот момент уже подъезжала скорая, которую он в разговоре обозвал «труповозкой». Тут меня уже смех разобрал смех: Витька этот пострадавший со мной в сей миг уже вполне адекватно говорил, ЧСС — повысилась до 70, пульс стал хорошего наполнения, и, тем не менее, его друзья решили своего другана похоронить.

Я не поленился и подошел потом к этим ребятам, чтобы спросить, откуда они такие взялись. Спрашиваю этого Лёньку. Жестко спрашиваю. На мой вопрос он отвечает: «Зато если Витька выживет, ему будет прикольно потом на эти свои фотки смотреть». Занавес.

Нет, они не были пьяными. Они были просто идиотами. Не взирая на то, что являлись на тот момент студентами-третьекурсниками престижного медицинского ВУЗа.

Страшнее милиционера

Есть, конечно, уроды в любой профессии. Но в медицине встреча с оными неблагоприятными представителями человечества особенно критична. Ведь речь идет о здоровье и жизни.

Много скотов среди фармацевтов — не тех, которые в аптеках лекарства отпускают, а среди фармацевтических монстров, которые их производят. Столько подделок, что мы, доктора, сами за голову хватаемся. Зачастую заказываем себе лекарства за границей.

Кроме того, есть проблема больных, которые склонны заниматься самолечением. В Интернете начитаются, радио слушают... Иногда такое несут, что... Пациент просил выписать ему лекарство от аритмии. Я про такое сроду не слышал. Звоню коллегам. На пятом звонке узнаю, что это современный супермощный (по слухам) препарат против ...сифилиса. Выпускается какой-то нашей компанией. Посмотрел про эту компанию и понял, почему я ни сном ни духом... Фирма открыта год назад. Тогда же пошёл и выпуск препарата.

Аналогичный случай. Звонит дама. Рецептик! Младенцу! И называет препарат, который можно назначать только при терминальных состояниях и, разумеется, только взрослым.

Говорит, что ей оно помогло, когда она в возрасте 35 (!) лет была в реанимации. Всё, финиш. Дай такое средство ребёнку — никакой реаниматолог не вытащит. Если сильно повезет, останется инвалидом.

В моем родовом поселке есть больница. Большая, трехэтажная, длинная. Наследство советских времен. Сейчас там работает аж семнадцать врачей. Хороший один. Тоже наследство советских времен — врач-гинеколог, которая когда-то в далеких 60-х приехала в поселок на практику после окончания 1-го мединститута в Москве, да так и осталась в нашем поселке. Она до сих пор консультирует. И дай ей Бог ещё очень много лет здоровья. Остальные — каловые массы от медицины.

Когда больницу хотели закрыть, население поселка возмутилось. Оно и понятно: большинство уже пожилые, и ездить в райцентр тяжело. Хотя райцентр в восьми километрах от поселка. Тогда был тот редкий случай, когда власть услышала народ, и больницу оставили. Селяне радовались, я тоже. Тогда. А после одного случая я сам написал в областной здравотдел письмо с просьбой закрыть эту больницу.

Я, конечно, и раньше знал, что там на одного нормального доктора приходится шестнадцать уродов. Но

думал — ладно, хоть какую-никакую поддерживающую терапию пожилым людям делают, и то хлеб. Оказалось — не ладно. Заболел у меня в той деревне близкий человек. Инфаркт. Приехать не мог, консультировал по телефону, что и как делать. Прописали ему кучу всего, в числе прочего — капельницу. Делали все назначения на дому.

Дежурно звоню в деревню, интересуюсь как дела. Вот, говорят, капельницу делаем. «Ну и славно», — отвечаю. Чудом тогда сразу не положил трубку, а продолжил разговор. И в числе прочего узнал, что медсестра изменила назначение врача (это уже — преступление!), и вместо прописанного лекарства стала колоть совсем другое...

Я знал, как лечат инфаркты. И меня жизнь научила в критических ситуациях не стесняться в выражениях. И когда услышал, какое именно — заорал в трубку, чтобы срочно выдернули капельницу... Потому что лекарство, которое медсестра самовольно решила вводить вместо назначенного, при инфаркте категорически противопоказано. Что я потом уже объяснил своим близким. Которые восприняли замену лекарства совершенно спокойно. Потому что верили человеку в белом халате, и убийственного подвоха от него не ожидали.

Перенервничал, понятно дело, крепко. Но меня пришибло недоумение медсестры: «Ну а че такого? Мы в больнице всем инфарктникам это колем». Сколько они людей таким образом отправили на тот свет, причем кратчайшим маршрутом, одному Богу известно. И вот после этой её фразы я и написал заявление в облздравотдел с просьбой прикрыть этот морг.

На мой взгляд, такой врач даже страшнее милиционера. Вероятность встречи с последним ещё можно свести к минимуму, а вот шансов нарваться на плохого медика гораздо больше.

Становясь капитаном, храните матроса в себе...

Всегда нужно помнить слова Высоцкого: «становясь капитаном, храните матроса в себе». Мне повезло. Мои наставники были именно такими. И когда меня — тогда ещё пацана — великий хирург поставил себе ассистировать, ему все крутили пальцем у виска. За глаза, конечно. В глаза никто бы не посмел. Но тем не менее... У меня ещё не было никаких дипломов. Но он, видя мою увлеченность, решил на этот шаг. И вот после той операции я понял, что буду

доктором по жизни. И все это поняли. И мужики, хирурги с огромным стажем, глядя на пацаненка, который отстоял шесть часов в операционной, говорили только одно слово «Ох...ть! Парень, как ты смог?» И пальцем у виска уже никто крутить не будет.

Потом, когда мы уже станем друзьями, эти врачи скажут: «Макс, какой он молодец (имея в виду того великого хирурга — МК). Он к тебе отнесся как к равному, пойдя на то, что ему, возможно, придется все делать самому, пойдя на риск, тем не менее, сделал это. И вон что выросло. А мы, м...даки старые, орем на ребят, не воспитываем, а только пугаем. А надо — как он...»

И ровно таким же принципом я руководствовался, когда ребят возил с собой на реанимации. На кого-то и орал. Раз наорал на одного паренька так, что он аж расплакался, хотя не слабой души пацан. Уже, когда с вызова ехали, наорал... А когда ехали на вызов, нам дали вводную, что едем на то-то и то-то. И пока ехали, я говорил, что нужно делать. И при этом какой-то врачебной интуицией чувствовал, что едем совсем не на это... Стал говорить: «Ребята, а там может быть ещё так-то и так-то. И если так, то — делать так».

А этот парняга по мобильнику базарил, пока я рассказывал.

Интуиция не подвела. Приехали на полное... И он мне в крайне критической ситуации дал не тот инструмент. Чисто из-за того, что пробазарил, пока я говорил. А у меня там не то что секунда — каждые полстучка сердца были важны.

И потом, когда уже привезли успешно человека в стационар, и когда отъезжали, я ему сказал всё, что о нём думаю. Причем не только словами, а и руками. Взял у него этот сотовый и отхлестал им его по роже. И выкинул мобильник в снег...

Приехали на подстанцию. Вызовов нет. Сижу, пью чайк. Потом пошёл покурить. А он в курилке рыдает. Я изумился.

— Ты чё, говоришь? Ну сам виноват, и виноват крепко, ну проехали.

— Там симка осталась, а на ней телефон N, которого у меня больше нет.

Я не буду говорить, кто был этот N, и какая там была жизненная история, важно на данный момент лишь то, что у того парня в результате моих «боевых действий» с человеком этим могла прерваться связь. А это было для них обоим критично. Обругав его снова, сказав, что такие важные телефоны нужно копировать в пять мест минимум, принял решение.

...Время к семи. Пора сдавать смену. Сдал. Вызываю своего водителя. И говорю парню тому:

«Володь, поехали со мной».

«Куда?»

«Телефон искать».

«Да как мы его найдём? Там же снег...»

«Володь, ты сам дурак, что меня довел до такого, но и я хорош... И я все перерою, но этот твой телефон найду. Я уже взял у водителей лопаты. И вызвал нам подмогу из тех, кого я когда-то...»

«МВ, да как вы будете в снегу рыться? Вы ж... Да я не могу... Да я сам виноват... Да что вы...»

«Буду. И отрою. И сейчас пятнадцать человек ещё не пойдут на работу, а будут помогать нам в наших раскопках».

— ?!

...Полдня искали. Нашли. Телефон — никакой, но симка целая. А потом я купил ему телефон. Самый крутой. Который был «мечтой его жизни». Полдня выбирали.

Вот когда так — это нормальная дедовщина.

Status idem

Когда в истории болезни пациента все без изменений, медики пишут «status idem» — состояние прежнее. У нас на Кавказе, насколько я понимаю, — «status idem». В целом ничего не изменилось. Ну разве в Чечне чуть-чуть. «Чуть-чуть» — это потому, что основная масса людей все также бедные и необразованные. Всё также там нет рабочих мест. И все также — война. Сколько не скрывай эту информацию и не вуалируй её слащавыми ТВ-комментариями, все всем ясно. Ушла хоть как-то Чечня — на тебе: Дагестан, а потом и Ингушетия. И ощущение, что жуткое количество денег летит в труху. При этом я уверен, что наши спецслужбы предотвратили не один теракт. Тут вот не смогли, да⁶...

Но. Такие теракты очень сложно предотвратить. Население в бедных регионах крайне необразованное, им втюхать можно всё, что угодно. Условия проживания в Дагестане, Ингушетии и Чечне — очень сильно так себе. И там террористической мрази даже никого зомбировать не нужно — за копейку многие встанут в шахидскую

⁶ Речь идет о террористическом акте на станциях метро «Парк Культуры» и «Лубянка» 29 марта 2010 года.

очередь. А ведь для того, чтобы заставить содрогнуться всю Россию, достаточно одной шахидки (шахида)...

Спецслужб на всех не хватит, это очевидно. Деятельность спецслужб по предотвращению терактов — это латание тришкиного кафтана, или, говоря языком тех же медиков — симптоматическое лечение. Которого для полного исцеления от хвори недостаточно. Нужно лечение радикальное. И нужна профилактика. А для этого нужно понять, почему когда-то бурятский паренек Саша Тихомиров вдруг стал одним из идеологов террористов Саидом Бурятским? Сказать, как я безмерно рад, что эта гнида уничтожена — ничего не сказать.

Но. Мы видим, что терроризм уже подпитывается не только выходцами с северо-кавказских республик, а молодыми ребятами со всей России. Откуда? Оттуда. От того, что куча людей в России бедствует, при том, что подавляющая горстка олигархов жирует. Кризис, кризис!!! А олигархи обогатились... В разы! И чем они отличаются от террористов? И что думают о своей стране молодые люди?.. Что кому-то можно всё, а кому-то — закон врыло. А тут на тебе, как по заказу дяди бородатые: не любишь власть, не дает она денег, а мы даем. И много! Родителей в ОАЭ? — завтра уезжают. Денег хочешь? Сколько?

Миллион в год? Мы тебе три даём. И это только для начала. И у человека, у которого копейки за душой сроду не было — сносит крышу от таких богатств. И это всё — кондовая вербовка. Для которой почва унавожена так, что...

Когда я примерно то же самое говорил одному своему приятелю-банкиру, он возражал, что олигархи все-таки не террористы, так они хоть никого не убивают. Я ему ответил очень просто. Говорю: когда с Горьковского Автозавода разом уволили много тысяч человек, как думаешь, какой среди них был процент инфарктников и инсультников? Можешь, говорю, позвонить и узнать. А потом узнай процент летальности. Только смерти при теракте «громкие», а эти — «неучтенка», так сказать. Между тем доказательство влияния этого жуткого стресса в виде резкого увольнения, без всяких предупреждений, на возникновение у людей острых сосудистых патологий — очевидное. И риторический вопрос: Дерипаска, который ГАЗ кинул, в кризис сильно обеднел, как думаете?

Что сказать подростку, которому некуда идти — детские спортивные школы закрыты, родители получают копейки, сам он по сей причине ходит в рванье, в школе — дебилизм... Одна отрада — Интернет. А там — ...

Крайне интересно, почему наша милиция так озаботилась торрентами и вопросами соблюдения авторского права в сети в то время, как полно неприкрытых террористических ресурсов, на которых вербуют пареньков со всей России?

Не, авторское право, конечно важный вопрос. Но разве борьба с терроризмом не важнее? Или за это денег меньше платят? Или кишка тонка прикрыть сайты с откровенной террористической пропагандой? Адреса — в известных СМИ. Я прочитал там тексты с психологической точки зрения. Уверяю: писаны людьми в психологии сильно сведущими. Посещаемость этих сайтов — запредельная. И для того, чтобы молодой и ещё неокрепший подростковый мозг разубедить в этой херотени, которую там пишут, нужен психолог не менее сильный.

Как появился SoftTime?

Образно говоря, меня попросили сделать этот проект, чтобы молодые люди шли не в группировки, а в более мирные вещи. Сказали — кто как не ты? Я доучил программирование до «отлично». Почему программирование?

Только потому, что Игорь Вячеславович, мой близкий друг, блестящий программист. И мне показалось тогда по аналитике, что для молодых людей это самое то. А вообще это мог быть любой другой проект — мне всё равно, чего учить...

Я хотел три года назад — подготовив не одну плеяду программистов этим проектом — закрыть его. Ту задачу, которая была перед ним поставлена, он выполнил. На сто из ста. Но мне стало жалко вдруг. И сотрудников, с которыми сработался, и это детище. И SoftTime остался.

Лично мне самому этот проект был не нужен. Я медик, я психолог... Деньги?.. Их можно много как заработать... И гораздо проще, чем программированием. Но у нас есть девиз «никто, кроме нас». Это не бахвальство. Это реальность... Увы. Именно увы. И когда мне один генерал, которого я безмерно уважаю, сказал: «Бл..., ну че-то надо делать-то!» — стали делать. Я — этот портал, кто-то — другой и т.д., утягивая ребят от криминала и уличных драк/попоек. Вот и всё. Вот и весь SoftTime.

Владимир Леви как-то сказал: «Спасать можно в разных качествах — реаниматолога, психотерапевта, консультанта по бизнесу... Но человек этот всегда

будет называться спасателем, независимо от метода, которым». Вот я и спасал. На сей раз программистом.

...В 12 лет у меня на глазах у меня умирала моя прабабушка. Святой человек. Войну Великую прошла. И ушла 7 января... А 8-го я купил себе пачку сигарет и закурил. Ява, как сейчас помню, была. Прабабушка учила меня играть в преферанс. Сама играла классно. И никогда мне не поддавалась. В результате в девять лет я мог играть сильно на уровне. Пригодилось. Однажды увидел, как в баре «быки» «разводят» пацаненка зеленого. Проиграл много. Встал, подошёл: «Беру его долг на себя. Погнали?» До утра играли. Мало того что долг отыграл — с карманом денег ушёл.

Бабушка меня научила «растяжки» ставить. Машина на неё наезжает, и — камень в лобовуху. И вот как-то раз — мне ещё совсем мало лет было — у нас всё получилось. Хорошо получилось... Мы по детской дурости в одну «Волгу» попали крепко... Четыре мужика за нами гонялись. Тройку поймали. Кроме меня. Я очень лихо замаскировался, хоть и пацаненок совсем был. Но — прабабушка учила. Потом вылез из своего схрона — негоже прятаться, когда друзей замели — и увидел, что моя прабабушка бежит к этим мужикам с клюкой и словами: «Детям тренироваться нужно, вдруг им воевать придётся!»

...И когда она уходила, я молился, не зная, как молиться... Просто ходил по кухне — меня выгнали, и бормотал: «Господи спаси, Господи, спаси»... Уходила так достойно, что доктора со Скорой потом всем говорили: «Дай нам Бог уйти так достойно, как Прасковья Федоровна». Попросила, чтобы позвали меня. А у меня такое ощущение бессилья было, что я ничего не мог поделать. И тогда решил, что стану доктором. Она, уже задыхаясь, — а при обширном инфаркте такое дыхание, что... — сумела сказать: «Наклонись». Я наклонился. И она уже ОТТУДА одними губами: «Станешь доктором, а на войне помни про Романа, он с тобой»⁷. Потом резкий вдох, на выдохе — ЖИВИТЕ С МИРОМ и ...всё. Вот такая у меня прабабушка была...

И когда ко мне в восьмом классе один бородатый дядя сделал интригующее предложение, я согласился без раздумий. А в десятом уже консультировал нашу учительницу по литературе, которая по совместительству была школьным психологом. Потому как мне предлагалось внедряться в «детские» ОПГ. И требовалось мгновенное взросление. Потому что — уже с высоты сегодняшнего своего опыта — могу засвидетельствовать, что внедрение к детям гораздо сложнее, чем к взрослым. По всем параметрам. Дети

⁷ Её муж, а мой прадед, погиб на войне под Волоколамском в 41-м.

фальшь моментально чувт. И там нужно «из всех сил и сухожилий». Дети более жестоки. И мне была ещё поставлена боевая задача — не только что-то разузнать (для непосвященных: руками молодых и глупых пацанов в 80-е и 90-е криминал порешивал свои делишки: надо кого-то устранить, так толпа подростков, которых нельзя посадить, его забивает) — но ещё и попытаться «перековать их».

Перековал немало... И SoftTime — это тоже самое, только на более высоком уровне. Когда мне тот генерал — в книжке «Ступени карьеры»⁸ про него есть скупое упоминание — сказал, что надо бы, я ответил по сути «Есть!» Потому что по-иному не мог ответить ему.

...Недавно в Москве, ночью, пока все спали, поехал к нему на Новодевичье. Не пускали. Показал удостоверение. Извинился. Объяснился: «Ребят, дайте одному побыть. Я всегда приезжаю так. Ночью. Что к нему, что к Высоцкому». Пустили. Поклонился.

Вот и весь SoftTime... Считайте, что это проект памяти моего прадеда и моей прабабушки.

⁸ М.Кузнецов, И. Симдянов, Программирование: ступени успешной карьеры, Спб, БХВ-Петербург, 2006.

ДЕТИ И ВЗРОСЛЫЕ

«Грачи» и «неврипатологи»

По просьбе коллеги приехал посмотреть детишку. Коллегу срочно в приемник вызвали, и я остался один с ребятами в палате. Смешливые все такие. Заодно и всех остальных посмотрел. По инерции. И, выходя из палаты, слышу из соседней бабские визги. Оказалось, это работал детский психолог. Я зашел. Так она на меня! «Мужчина, здесь посторонним вход воспрещен!» На мои попытки объяснить, что я вообще-то здесь по приглашению заведованием, завопила так, что мне вместе с детьми захотелось залезть под койку. Пацан просто ревел — за шкуру вытащил его из отделения.

То, что я описал — далеко не единичный случай. Это — почти норма. Среди детских психологов есть классные люди, но при этом — никакие специалисты. Заметил, что в детские психологи идут люди с сильными комплексами. У кого своих детей нет, и они начинают сюсюкать над чужими, то, наоборот, не наоравшись на своих, орут на чужих, считая это психотерапией. То каким-то гуру себя выставляют. Ага. С детьми-то оно проще — они по башке не

настучат и можно гнать любую пургу, а потом родителям сказать — ну аутизм, чё хотите... Медицина бессильна!

...У нас один мальчик-аутист лежал. Вернее, все считали, что он аутист. А он просто глухо ненавидел свою мать. Мы тоже не сразу въехали. Сажу в ординаторской — заходит. Можно я тут порисую? Ну, говорю, садись. Он рисует. Я смотрю что. А тут медсестра врывается. Дура редкостная. И сильно не по делу. Озлившись, приложил крепко матом!

И... осекся. У меня же ребенок рядом. А ребенок... А ребенок сказал, что у него мама такая же. У меня глаза вылезли на лоб и долго оттуда не возвращались, после того, как он мне рассказал всё. Оказалось, ровно такое выражение употреблял его отец в отношении его матери. Которая ему изменяла направо. Вот он так и говорил. И пацан всё понял. И когда я случайно вот так сказал, он разрыдался и ...вылечили мы его от «аутизма».

Новое слово придумал. Неврипатолог. Родилось вчера после общения на тему гинекологии с одним акушером-гинекологом по просьбе друга, родственницу которую привезли с угрозой выкидыша. Подозрения по отношению к акушерам-гинекологам у меня стали возникать сразу, как стал работать в детском хирургическом отделении. Которое вообще-то не гинекологическое отделение. Потом это

как-то забылось, когда ушел из БСМП⁹. И вот вчера вспомнилось. Я пришел в ужас о того, что несла мне эта «грач». Помчался сам.

Началось с того, что я не обнаружил в отделении не медсестер, ни врачей. Искал долго. Ординаторская закрыта. Долбание в дверь ничего не дало. А там у другой девушки началось маточное кровотечение. Я позвонил с сестринского поста в реанимацию — так, мол, и так. И потом главврачу — мы приятели, в бильярд вместе играем. Сказал всё, что думаю.

...И когда вот в таких условиях рождаются дети, как тут не быть детским страхам. Тут взрослый-то испугается. Поэтому очень важно еще, где рожать. И где лежать в случае чего до родов. Есть хорошие клиники и хорошие роддома. К сожалению — немного. По моей статистике. Я всегда недоумевал, почему в медицине самое главное, что случается в жизни человека — его рождение — обставлено так плохо. И вообще работа с детьми.

⁹ БСМП — Больница скорой медицинской помощи

Армия отдыхает

Зашел тут по случаю в детсад. Люди дорогие, армия отдыхает со всеми её дедовщинами и идиокомандирами. Когда я увидел, как воспитатель разговаривает с детьми, я понял, какое это благо для детей, что в наших детсадах не хватает мест.

В советское время, к слову, так же было. Знаете, я войну спокойнее вспоминаю, чем школу. До того момента, как я не стал заниматься рукопашкой, это было адом. И вот почему-то в нашей стране всё, что касается детей, посылается далеко на ...

А потом мы удивляемся: урод родился!

Учителя и воспитатели, не обижайтесь, но 70% из вас надо гнать поганой метлой, 10% в тюрьму, а 10% расстрелять. Как трудовика, который бил детей. Как физкультурника, который уморил ребенка кроссом. Я тогда на этот вызов приезжал. Парень потом говорил, что учительница отказалась отпустить его с урока. Ну он и упал на перемене.

А самый страшный случай был, когда я видел в раздевалке школы повесившегося шестиклассника. Не спасли, не... Смерть до СП¹⁰. Только сняли его. Директор школы: «А вы

сами родителям не позвоните?» Чуть не убил сволочь, которая довела школу до того, что у неё дети вешаются. ...Знаете, как страшно смотреть было? И как звонить?.. Так мне и пришлось.

Представьте, что такое позвонить родителям, которые там на работе, и сказать, что их ребенок не вернулся. Из школы. Не с войны. Я приносил похоронки в дома с войны. Но вот эта была самой страшной.

— Здравствуйте. С вами говорит старший врач анестезиолог-реаниматолог Юго-Западной подстанции Скорой Помощи.

— Ой, вы не туда попали!

— Туда... Я говорю из средней школы № 30. Ваш сын повесился. Он умер.

Мой друг уехал на вызов в детсад. На детский суицид! Ребенок во время обеда себя ножом порезал. Искусно, надо сказать. Я возвращался с вызова тогда. Без пациента. На дому помощь оказали. И слышу по рации всё это и думаю — какой ужас! До чего нужно было довести ребенка. И вдруг — наш позывной по рации. Где едете?

— Около 75 дома по Циолковке.

— Ребята, в третий детсад!

— Так туда же уже реанимация уехала!

— там двойной суицид.

— ?!

До чего детишек надо довести, чтобы они сами себя... Их спасли. Я потом пришел в родное отделение, с которого начинал работать и спросил, отчего и почему. И зачем так — друг в друга ножами. Причем сильно, откуда сила-то взялась. И ножи как назло наточенные были. Знаете, что ответили? Чтобы нас не хоронили как самоубийц.

...Это была старшая группа детсада. По пять лет им было. И вот такой ответ.

Взрослые не понимают, что дети начинают думать о смерти очень рано. Многие — сильно рано. Взрослые забывают себя в детстве. И ведут себя с детьми как распоследние глупцы. К примеру, оставляют табельное оружие в сильно доступном месте. Ничего так ситуация — пистолет на столе валяется. И ребенок в квартире один! Он ещё не знает про интересную закономерность, что пули всегда тянутся к людям. И слово «рикошет» не знает. И вот каким словом обозвать папу-офицера, который сиё сделал? Оставил табельник?

Мы в полной прострации были, когда нам из Приемного сообщили, что везут трехлетнего ребенка с огнестрелом. Да и вообще — как оставить одного дитя в возрасте трех

лет?! И с пистолетом наедине! Мы пока до операционной шли, матюгались — вот уже детей стали стрелять (это были лихие 90-е). А оказалось — вон как!

Абсолютный слух

Моя бабушка всю жизнь отработала в медицине. Я еще до рождения часто бывал в медучреждениях: стал доктором. Родители флотские оба. И до родов я «дежурил» вместе с мамой в диспетчерской: флот — это моя другая жизнь. Мне мама играла классику: стал ещё и музыкантом. В четыре года попросил гитару. Абсолютный слух. Причем не только в музыке. И душевно-интуитивный. Мне соврать невозможно. Я фальшь чувствую и в людях, и в ситуации.

Я выводил дембелей из Чечни. Вернее, просто ехал с ними поначалу. Там встретились, пересеклись, побратались. Так классно было... Хорошая обстановка — война для ребят закончилась. Решил с ними ехать. Их командир говорит — нам на ночлег такое классное место подогнали! Несколько домов. И вот среди ночи просыпаюсь и чую — не то. Неуловимо изменилась ситуация. Те, кто на стреме, мирно покуривают. Вроде все нормально.

Бужу командира:

— Всё, уходим.

— ?!

— Приказ.¹¹

Бойцы на меня как на идиота смотрели. Выползли, залегли. Через три часа все эти дома разнесли из гранатометов. Понятно, что мы разнесли тех, кто хотел нас.

Сейчас я уже знаю, кто нас и зачем предал. Однако второй Майкопской бригады не случилось — спас только абсолютный слух на ситуацию. Потом я уже «на слух» выводил ребят из Чечни. Меняли поезда, машины, а то и вообще пешком шли. Потому что тут уже логикой было четко понятно, что предатель — не один, и за нами охота.

Если бы мама, когда была беременна, не давала мне слушать музыку глухого Бетховена, я бы не услышал тогда это изменение ситуации. Четко знаю.

И когда работаю с детишками, в первую голову выясняю, что было во время беременности и как она протекала. И, увы, к моему огромному сожалению, могу сказать, что 90% психологов этого не делают. У меня был случай. Пацану оперировал легкое. Три годика. Жуткая была операция. У нас анестезиолог после неё сигарет пять подряд выкурил. Потом, на обходе

¹¹ Я старше его по званию и должности тогда был. Сейчас — на равных.

захожу в палату. Посмотрел, ну ладно. Ничего хорошего. На реторакотомию¹² придется брать, судя по всему. А он чего-то бормочет слово «Крим». Я родителей потом — на допрос. Вы, когда были беременны, были в Крыму? Мать:

— Откуда вы узнали?!

— От вашего сына.

— Но он же не мог ничего слышать! И слов таких знать не мог!

...На реторакотомию мы его таки взяли — пришлось. Потом я их выпихнул в Крым, и пацан поправился... Хоть в космос.

Ребенок живет уже с момента зачатия. То, как у него формируется нервная система и психика, зависит от того, как шла беременность и развитие ребенка в материнской утробе.

Аутисты почти всегда получаются, когда во внутриутробном периоде между родителями склока или, не дай Бог, драка, так плод извивается, как может. Следствие — неправильное расположение плода, токсикозы и ещё чего только не.

Очень важное значение оказывает то, как с ребенком (слово «плод» не люблю) общаются во время беременности.

¹² Повторное вскрытие грудной клетки

С ним надо разговаривать, музыку ему играть. Только не Тиму Крылана, а хорошую спокойную классику. Ни в коем случае не Вагнера — родится садист. Если ребенку играть классику во внутриутробном периоде, то не исключено, что получится великий композитор. Ну или как минимум просто достойный человек. А если во время беременности сидеть в барах, покуривая под дико-ударную музыку — получится идиот.

Всё там, в утробе закладывается. Если что-то не так, то потом, в жизни это перепрограммировать — аховый труд.

Имя-отчество

Меня как-то спросили, что делать, если ребенку не нравится отчество? Я тогда почти серьезно сказал, мол, может, ему еще просто рано, чтобы его по имени-отчеству звали?

Когда отец называет ребенка по имени-отчеству, это всегда либо фальшь, либо игра. Потому что для вас ребенок всегда будет Мишкой, а не Михаилом Максимовичем. Потому что для родителей ребенок всегда остается ребенком. Сколько бы лет ему не было, и что бы он не сделал. И дети это прекрасно знают.

Фальшиво звучит, когда меня мама даже на серьезной встрече (мы иногда вместе работаем) назовет Максим Валерьевич. Всем понятно, что я никакой для неё не Максим Валерьевич. Максим Валерьевич по отношению ко мне от родителей применяется только в шутовском тоне.

Кроме того, для ребенка это словосочетание сильно большое, слишком тяжелая конструкция. И в его возрасте он на такой серьез еще не настроен. Зовите его как-то поиному, если уж по имени-отчеству хочется величать. Миш Максыч, к примеру. И постепенно начнет привыкать. Только осторожнее в том плане, что ребенок еще не Михаил Максимович, а просто Мишка. Пацану в 15 лет хочется с девушкой ночь провести, и ему НЕЛЬЗЯ называть себя внутренне Михаилом Максимовичем. Потому что Михаил Максимович — это человек, который смиренно на Карловарском курорте потягивает бехеревку, а Мишка — пацан, озорняга, который может полобщати за час оплодворить. Это раз.

Кроме того, ваш ребенок может относиться к типу людей, которые не любят официоза. Таких немало. Я вот не терпел, когда звали Максимом. Макс — да. Когда в детстве звали Максюха — терпеть не мог. Потому что очень хорошо рифмуется «Максюха-писюха». Максик — тоже.

Максик-плаксик. А когда меня сейчас зовут так, то — приятно!

Много лет спустя так назовут — Максюха. На подстанции скорой помощи я откачал парня из Дагестана. В сложнейшей ситуации. Он с ребятами потом приехал отблагодарить. Кстати, фото с тем, кого я спас, пожалуй, одно из очень немногих приличных моих фото со Скорой. Там как-то не до фотографий было... Ну и вот. Приехали дагестанцы. И вот ребята мне, старшему врачу анестезиологу-реаниматологу: «Максюха, спасибо!!! Это — тебе». И это так душевно прозвучало, не было никакой фамильярности — только искренность.

...Я мало когда любил, даже будучи взрослым, чтобы звали по имени-отчеству. Для меня это ассоциируется с галстуками, которые шею душат, со смокингами, реверансами. Я — Макс. Дворовый пацан с гитарой. А что награды, дипломы, звания, так это так — левой ногой зацепил. Я их никогда всерьез не воспринимал и никогда не стремился к этому. Не терпел, когда называли отличником. Мне было классно, когда друган орет в походе: «Мак, сюда!!!» Это он шуку крупную на спиннинг словил, и один с ней справиться не может. А когда: «К микрофону приглашается Максим Валерьевич Кузнецов» я, конечно, понимаю, что это меня приглашают, но для меня это как-то не про меня.

У меня старший, кстати, терпеть не может, когда я его, даже не шутя, по имени-отчеству, его аж передергивает. Вовка, Володька, Вов, Володя, Володь — это да. А Владимир — не его. Не нравится. А вот Володька очень. Тут еще идет сильная корреляция с восприятием звуков. Грубо говоря, у одних волна так проходит, у других эдак. И «Володька» воспринимается мозгом нормально, а Владимир Максимович уже совсем не так. Но это — только мое мнение.

Этим скальпелем руки бы вам

Больше всех в детских отделениях ненавидят родителей. Во-первых, более половины трагедий с детишками происходит только по их вине. Люди рождают ребенка и думают — че теперь делать?! У нас из отделения дети выписываться не хотели! Они не хотели в семью!

Выписали одного мальчишку. С утра на обходе потрещал его по башке, и сказал — ну давай, счастливо. Он расплакался. Хотя пацан вообще не слезливый, мужественно все переносил. А тут слезы.

Пацан всем нравился. Медсестры из приемного чай ему готовили. Естественно, когда страшные вещи — его

пинком под зад, чтоб не видел. Но так все с ним сюсюкались. Даже один врач со Скорой Реанимационной Помощи его уже знал. Когда по больничному городку гулял, он всё возле экстренного приемного вертелся. Ну правильно — там Римма Ивановна, он влюбился в нее. Как в бабушку. И топал к ней, когда она дежурила.

Очень ему нравилось рентген-оборудование, и к выписке он даже научился делать снимки. По БСМП он у нас гулял в сопровождении товарища постарше, с которым они сильно сдружились. И даже когда того товарища давно надо было выписывать, он со слезами к нам — а кто же Сашку водить будет? Мы прибалдели. Тут родители его уже приехали — позвонили из приемного — можно ли подняться? Я — да можно...

И говорю вот им, что сын не хочется выписываться по той причине, что друга некому будет выгуливать. Родители вот того парня были мудры. Отец сказал: «Во, мать, какой у нас пацан растет!»

Выписали мы их в один день. И это была наша капитальная ошибка — Сашку надо было в отделении оставлять пожизненно. Потому что — ну ладно родители не дали ему с Риммой сбежать попрощаться, так и с другом этим не дали поговорить — за хибон и в машину.

Дальше — страшно. В тот день на реанимации СП дежурил как раз тот врач, с которым Сашка познакомился. И вот стоим мы, курим. Тут въезжает машина СП. Желтая такая. С надписью «РЕАНИМАЦИЯ».

... Он убежал от родителей. Под поезд. Как я не рассмотрел предсуицид?!

Тут Римма в приемное зашла за чем-то. Увидела... Заорала. Её в ЦСО было слышно. Хотя она видела за жизнь всё. Зав вообще забыл все нематерные слова. Я — также.

Он выжил. И мы — сумели. Было дико. Ночью, после операции, я позвонил родителям того парня, который его гулять выводил. Сказал, — так и так. Они сразу приехали. Сыну, конечно, не сказав. И потом отец говорит мне: «Может, стоит нашего сына сюда привезти? Ну ничего, он уже видел больницу, не испугается. Я ему: «Это нужно».

Сашка был без сознания ещё... И вот когда я в ПИТе¹³, смотрел, с какой трогательностью он стоял рядом со своим младшим другом... Я не понимал, почему многие взрослые доживают до скотства. Лишь бы ударить друг друга. Да побольнее. И молюсь, не переставая, чтобы они не стали такими же идиотами, как многие «взрослые». Не, они — не станут.

¹³ Палата интенсивной терапии

Потом его — того парня отец выносил Сашку на руках из отделения подышать свежим воздухом... Вот это ЛЮДИ. И Родители. А не тот сброд, от которого ребенок бросился под поезд.

Мы все понимали, что будет второй суицид. И что его надо в другую семью. Потом вторая семья его усыновила. Было непросто, но сумели. Общими усилиями. Когда судья увидела подписи почти всей БСМП, которые видели, в каком неадекватном состоянии пришли родители навещать ребенка, она их решила родительских прав сильно быстро. Обоих.

Сказать, как они меня ненавидят — промолчать. Сказать как я их... А пацан растет не с уродами, от которых — только путем Анны Карениной, а в нормальной семье. Вот это — РОДИТЕЛИ!!! И дети у них будут нестандартными. Я с удовольствием хожу к ним в гости. И много говорил с тем мальчишкой. Зачем он под поезд. Говорю, ну ты б прибежал, знал же, что я на дежурстве.

Дорогие родители. Когда я общаюсь с некоторыми из вас, мне хочется сменить скальпель на снайперскую винтовку. Будучи судмедэкспертом, я видел на заседаниях суда тех, кто сразу после родов выкидывал детей на помойку. Видел маму, которая у нас в отделении ударила своего ребенка

после тяжелой травмы. Потому что он заплакал... Я тогда её чуть не пришиб.

Слова Высоцкого в посвящении великому детскому хирургу С.Я. Долецкому «Этим скальпелем руки бы вам» (это он в адрес родителей) считаю очень верными. Какая бы жуть вокруг не творилась, если родители вкладываются в своего ребенка — у него все будет нормально. А вот если иначе, то — виноватых можно найти всегда. Когда родители говорят, что образование виновато в том, что их дите выросло выродком, а не гением, — это самооправдание собственной родительской никчемности. И ничего более.

Разные тональности

Мои дети живут отдельно. Хоть ещё и юны. Я — одиночка по натуре. Хотя и детишек люблю и дружбу. А детям все сокурсники и сошкольники завидуют.

Решили они завести зверюгу. Птицу редкостную какую-то. Ребята предприимчивые, у кого-то эту птицу отыскали. Птица особенная — в квартире не гадит, её выпускают полетать, и она сама через полчаса возвращается. Одна проблема — она большая и очень воинственная. Первым человеком, на которого она напала, был я. Я для неё

посторонний. И вот что с этой птицей делать, фиг знает. Про неё уже в газете написали, что она нападает на прохожих. Спикирует и клюнет в затылок.

Искренне надеюсь, что эта птица улетит туда, откуда она родом. Но — возвращается, собака такая! Дети, правда, рады еще больше. Тому, что я теперь вообще практически не прихожу. Потому что эта дрянь смиренная только когда спит. А как проснется — то налетает на тебя то с одной стороны, то с другой. Я б ей, конечно, давно шею свернул, да ребят жалко. Хотя готовлю их к тому, что ей шею таки свернут. Ловких людей немало.

Может быть, я её отдрессирую. Несмотря на её поганый характер, она меня натолкнула на одну интересную мысль. Дело в том, что она на меня не нападает, только когда я играю на гитаре. И только в двух тональностях. Если в других — она в бешенстве. И, выяснив это, я стал с детьми говорить только в ля-миноре. Тогда птица спит или просто так летает. Чуть собьешься с тона — усё. Она и на движения, только которые в тех тональностях, реагирует. Разработал систему движений, которые она любит.

Рассказываю про это знакомому зоологу:

— Я думаю, что люди живут в разных тональностях. Кто в ля-минор. Кто в си-бемоль-минор. Кто в фа-мажор.

Кто в ре-миноре. И вот если ты определишь тональность жизни человека, то четко с ним сработаешься. И махать руками, в смысле жестикулировать, тоже нужно с учетом тональности. И вот когда я в этих тональностях руками жестикулирую, она мирная. Один раз даже на плечо села. Чуть собьешься с движения и звука — всё. Атака.

Он:

— Максим Валерьевич, срочно статью!

Я ему:

— Слушай, меня и так уже некоторые в группу патологических лунов зачисляют. Я и психолог, и военный, и медик, и программист, и химик, и флотский. А тут ещё и в журнале зоологии опубликуюсь.

— Ничего страшного. В конце концов, к Гинзбургу никто не был в претензии, что он во всех областях физики поработал. И не только физики.

— Да нет. Как раз были. От тех, которые только в одной области.

— Статью!!!

Своим примером

В 90-х выезжали, когда на квартире несколько гранат рванули. Он был единственный живой к нашему приезду. Папа взял с собой. Думал, идет на дружескую встречу, оказалось — в заминированную квартиру. Папу его спасти было уже нельзя — нельзя спасти «всадника без головы». Сына тоже было нельзя. Живот разворочен, а сумел дверь открыть... Около неё и лежал, корчась... Там стремянка рядом валялась. Ногой стремянку отпихиваю, глаза подымаю, а там — кишки на люстре... И капает с них... Лампочку, наверное, перегоревшую вкручивал. В тот момент и рвануло.

Парень умер. У нас в машине. Травмы, несовместимые с жизнью.

Как-то, много лет спустя, читал лекцию в детдоме. Пятым. В смысле, что до меня им лекции читали четыре известных в своей области человека. Безуспешно. Сложный контингент. Сильно сложный. Отморозки, откровенно говоря. И там лекторов нужно было спасать. Чего в них только не кидали. Мне звонят — «не приходите». Я таки пошёл. И рассказал им этот случай. И ещё много таких же. Рассказал, как с тех фельдшерских своих лет (я тогда фельдшером был ещё) ухаживаю за могилой того пацана.

Никто в меня ничего не кидал. Тишина была мёртвая. А «главный отморозок» потом меня догнал, когда я уже вышел из детдома и шел себе в своих мыслях по улице, и предложил съездить на могилу. Прибраться...

Я своих детей мотивировал так. Говорил: чтобы со мной и с моими мужиками за одним столом посидеть, после того, как мы с Чечни прилетели, учитесь как надо. И учились! Потому что для них встретить нас, спецназ, по прилету, было за счастье. Да весь класс учился! Потому что всем хотелось послушать. Я почти всех друзей сына с собой на скорую помощь брал. Носилки помогали таскать... Как старший врач я мог сам себе закрыть глаза на то, что посторонние на бригаде.

А им так в радость было. Посмотреть на реальную жизнь. И покататься по подстанции на реанимобиле. Сфотографироваться на них, чтобы потом одноклассникам похвастаться. И стать в одночасье взрослыми. Когда никаких скидок. Ясно, что не они людей реанимировали, но было четкое условие: если пришел со мной на сутки, то уйдешь тогда же, когда и вся бригада. В семь утра. А может — полпятого дня. Как у меня один раз было, когда друга сына с собой взял покататься. Так сказать... Он никакой был, но не убежал. И вот им было интересно со мной. Ради этого

они и учились, как бы противны им не были те или иные предметы или и учителя.

Как-то к нам нагрянул проверяющий орган. Как всегда неожиданно. И, заметив детсад, стал материться. Когда они стали ему рассказывать, как из «полторашек»¹⁴ сделать шину, что такое «водитель ритма», сфинктер Одди и билиарный тракт (а он сам такие слова уже давно забыл), он сказал, что я достойную смену рощу, и никаких претензий. Результат — полкласса в медвузе.

Всё сдали. Все ЕГЭ эти. Я одному сказал, что он сто процентно поступит в ВУЗ. Потому что я лично пойду к ректору, которого спас когда-то.

...Случай тот был страшный. И парень повел себя крайне достойно. Он был на равных с нами. Даже лучше некоторых из нас. Мы на пожар приехали раньше пожарников. Такое бывает. А у нас по сводке — все на улице, ожоговые. Да, так и есть. Дом полыхает. Я работаю. Фельдшера тоже. Вторая бригада подъехала. Парень, понятно, стоит, что ему делать-то. И вдруг — как рванет туда. Я подумал, что он сошел с ума. За ним бежать или ранеными заниматься? А он крики, как оказалось, слышал.

¹⁴ Полуторалитровая пластиковая бутылка

Там чердак был. И один ребяенок туда забрался. Дом трехэтажный. Я бросил всё на остальных и полез туда. Пожарных все нет. А мы сами все уже никакие. Я так вообще не. И клял себя, что взял его на реанимацию. Продрался сквозь огонь. Как сейчас помню — пламя в мою сторону, я — от него. Жар невыносимый. Вся обволока горящая рушится прямо на тебя. Чуть укрылся. Упали вместе — спустаться всегда сложнее, чем подыматься (альпинисты знают). Особенно в огне.

...После этого я и сказал ему, что он поступит везде.

Я это все к тому, что детей нужно воспитывать собственным примером. И это не банальность — эти слова нужно написать крупными буквами и повесить перед собой на стену. Когда ребята на примере видят, для чего приходится то, что я знаю, — никого не нужно заставлять учиться. Когда они видят — я играю на гитаре, и все девушки их возраста смотрят на меня, а не на них, — это тоже мотивация. Приходят потом и сами спрашивают: «А как играть вот так, чтоб как вы?»

Сверхмотивация

Родители «мотивируют» обычно: «Получишь пятерку, конфетка в зубы». Нет, не так. Нужно так замотивировать ребенка, чтобы он учился даже тогда, когда это приходится делать «через не хочу». Ребенку нужно давать не просто мотивацию, а сверхмотивацию! Чтобы он все эти «не хочу» перепрыгивал как ямки мелкие ради Высокой цели. Понять, что это за цель — задача родителей. И задача сильно непростая.

Крайне сложно сказать, что из кого получится. Эйнштейна, если помните, считали полным дебилом в математике поначалу, про Брюса Ли вообще до тринадцати лет говорили, что ему мужской пол достался по ошибке. Кстати, про меня один человек сказал давно тоже самое. Он-то был «сорвиголова». Зато сейчас звонит мне и просит «решить вопрос». И драться за него приходилось. Он должен был в Чечне воевать, а не я. Я — сидеть в библиотеке. Меня даже в мединститут с первого раза не взяли, поскольку я хотел быть только хирургом, а по здоровью сказали, что только терапевтом и что меня на реаниматологию/хирургию никогда и ни за что. А тот парень пошел куда хотел. Но сломался на втором курсе. Едва закончил ВУЗ. Сейчас терапевт в какой-то забытой всеми медчанчасти.

Я вот, к примеру, никогда бы не подумал, что стану программистом. В школе за меня на информатике все задачи всегда решал друг. Стало нужным — выучил.

Аналогично с другой моей карьерой — военной. Я до седьмого класса был типичным ботаником, битым много раз. Вернее даже — забитым. Начиналось же всё с того, что я под общий смех окружающих пытался на метр от своего роста забраться по канату. В тире тоже под общий смех я попадал один раз и ста выстрелов и то случайно. Висел на перекладине как военно-морская роба. Все знали и видели, что из меня получится офисная крыса, скромный библиотекарь или что-то в этом роде.

Потом во Пскове я на сверхдальнем расстоянии выбью из винтовки букву «А» в честь друга из «Альфы». Встреча с несколькими людьми изменила всю жизнь. Никто никогда не думал, что из меня вырастет боевой офицер. И тренер по рукопашке. И в друзьях — медики, офицеры, флотские и совсем никаких ботаников...

Классно всё учится, если только мотивация не завязана на деньги. Или завязана на них сильно опосредовано. Не «мне нужно это выучить, чтобы много денег заработать», а к примеру, нужны деньги, чтобы друга вылечить. Или как-то так...

Всё в жизни, что получилось, делалось изначально для себя. И для друзей. Причем очень ограниченного круга. И эти песни теперь по радио поют... Я никогда не писал их с прицелом на это. Просто ребятам писал и всё. Это за деньги на дядю можно сфуфлыжничать, а тут не прокатит, друзьям плохо-то не напишешь!

Вот просто на гитаре хотелось играть. Потому что я вырос на Высоцком, Окуджаве... И я учился играть для себя, не думая, что свой первый миллион я заработаю, играя классические произведения на самой простой семиструнке советской постройки. Это потом мне уже соберут во Франции гитару, с которой я буду давать концерты.

Просто хотелось быть похожим на моих друзей. Которые там сальты всякие делали и т.д., а я ни хрена такого не мог. Очень слабеньким рос. Они — по канату туда-сюда, «двойной Нельсон», бегали, прыгали, скакали на лошадях, стреляли... Это пацанами ещё. В них были влюблены девочки на два класса старше, а меня все били. Только друзья и выручали. Так мне все это надоело, что я решил быть как они. Стал ходить на тренировки. На стрельбы. На меня все, включая родителей, смотрели как на идиота.

Потом я стану неплохим каскадером, меня с друзьями будут приглашать сниматься в кино. С гитарой буду ходить

по канату... Буду сидеть за одним оперативным столом с генералом Трошевым. Полстраны служивых — в друзьях. Будет Афган, причем после того, как война уже давно закончилась, Чечня, и ряд других не менее опасных мест... Много чего будет.

С психологом Владимиром Леви познакомился тоже не из меркантильного интереса — просто захотелось помочь человеку, на книгах которого я вырос. Помощь по сайту вылилась в то, что эти люди стали мне родными. Потом мы будем работать совсем не только по сайтам, я буду постоянным его гостем в Москве, когда туда приезжаю, диванчик на его кухне станет мне родным, будут записи музыки в его студии и многое другое, но начиналось всё с малого.

Учиться никогда не рано

Детские навыки самые сильные. Легендарный академик Колмогоров успешно учил пятилеток теории групп. В том же объеме, что и на мехматах ВУЗов. Сейчас все эти его ученики — выдающиеся математики.

Меня многие спрашивают, почему я так хорошо техникой управляю. Да потому что с детства учили. Капитаны

сажали меня, четырехлетнего пацана, на колени, и клали мои руки на штурвал. Как фокус всем показывали, как шестилетний ребенок самостоятельно управляет теплоходом типа «Ракета». До сих пор помню свои ощущения — все встали и ушли. Скорость около 80 км/ч. Река извилистая. По радиии кричат: «Ракета 167, принимаешь левым?» (расхождение левым бортом). Слава те Господи, что у меня от отца есть ещё и бас, и я пацаненком сходу научился на него переходить в случае чего. Представьте себе. Вам шесть лет. «Тут кнопок навалом, какую давить?!» Три рычага. Штурвал. И всё это несется с приличной скоростью на крутых фарватерных изгибах. У меня была паника. Я кричал, звал капитана. Потом собирался. Штурвалил. Слава те Господи, пассажиры не знали!

После такого — хоть куда. Эти навыки никогда не потеряешь. Когда мне пришлось участвовать в незапланированной посадке пассажирского самолета, вспомнил тот момент и не растерялся, выполняя точно все команды КВС¹⁵. Хотя за штурвалом пилота до того никогда не сидел. Однако летал в кабинах и спрашивал, что и как чисто из любопытства — люблю технику всякую. И тут критическая ситуация, и штатный КВС просит опытного наставника взять

¹⁵ Капитан воздушного судна

штурвал на себя, а тот мне, чтобы я — за второго пилота. И отштурвали! Правда, с тех пор я не летаю на самолетах.

Когда мне интересно было на порталном кране научиться работать, так я за неделю его освоил. Некоторые не могут несколько лет научиться «за пипку дергать» (в смысле сидеть за рычагами). И мне, десятикласснику, звонили диспетчера (причем непростым способом — сотовых тогда не было) и просили, когда трудная смена (сложная ледовая обстановка, работа с людьми, с тарно-штучными грузами) выйти самому.

А разгадка фокуса проста — дети крайне быстро обучаемы. И вазомоторные навыки, полученные в детстве и/или ранней юности, не забываются никогда. Самое главное — чтобы интерес был.

Меня в детстве очень интересовала вулканология — потому что родители с самого раннего детства читали не сказки, а какую-то фиготень про гейзеры и вулканы, Гаруна Тазиева¹⁶. Я не являюсь ни геологом ни вулканологом — не сложилось это по жизни. Хоть и хотелось. Но. Когда очередное землетрясение произошло там, где мы с одним доктором физико-математических наук предсказали, все сели... Нам же никто не поверил. А он, мужик тот, хоть и физик,

¹⁶ Всемирно известный вулканолог

тоже в детстве про вулканы читал. Вот как-то нас свела судьба, вспоминали про детство, и рассмеялись, поняв, что нам одни и те же книжки читали, а потом стали вспоминать по инерции, что же в них написано-то было. Оказалось — все помним! И слова «магнитуда и логарифм по основанию 2» подвластны детским умам.

Потом занялись уже серьезно. Пришли к интересным выводам. Позвонили геологам. Послали нас геологи. Сказали, вы, мол, физики, химики, медики, занимайтесь своим делом, мы без вас справимся. Очень аргументировано нам доказали, что мы не правы и ни хрена не смыслим в геологии. Мы согласились. Правда же — не смыслим, не обучены, а то, что детство разыграло — с кем не бывает.

Когда случилась Фукусима, уже всех послали мы. Послали и Японию. Обиделись. Мы ж им, когда наши отказались рассматривать наши, как оказалось совсем недетские мысли, то же письмо написали. И когда — дней на несколько мы ошиблись, абсолютно не ошибившись в территории — нас забросали письмами с просьбой приехать. Ответили, что на такие сверхдальние расстояния не летаем. Тем более, что там сейчас некомфортно. Теперь приглашают на геофаки читать лекции.

А почему так произошло? Потому что мамы в детстве читали книжки про вулканы. И телескоп купили — телескоп к вулканам и к тектоническим перетряхиваниям земли имеет самое прямое отношение — от астрофизики много чего зависит. И на тебе — два совсем не геолога по образованию, а по детству вычислили таки.

В три уже можно учить программированию. На кубиках. В четыре можно давать читать книги про вулканологию. С пяти можно и нужно прививать к спорту. А лучше даже пораньше.

И если так, будет, уж не знаю, хорошо ли, но точно не дурак. Мне читали стихи, когда я был в материнской утробе. В четыре дали Высоцкого. Тогда же книгу про вулканы. В пять от меня шарахались воспитатели детсада, потому что они не знали словосочетания «силициум-о-два» и слова двухвалентный. Это не гениальность, ни в коем разе. Это просто правильное воспитание.

Если ребенка с детства чему-то обучить, он будет высочайшим профи в этом деле. Мудрость родителей — понять, чему нужно учить. Мои родители не были мудры, и научили всему. В результате я и стал, не пойми кем: и сям и там, и то и это, то гусям дань отдам, то стану вдруг поэтом.

Век нынешний и век минувший

Немало общаясь с людьми по медико-психологической части, нередко слышу: «А вот в наши времена молодежь», «а вот тогда поля зеленее были», «и дружба была, а сейчас только деньги»...

Стоп. У меня и, уверен, у многих других, дружба как была, так и осталась. Да, нередко слышу, мол, деньги, сожрали в людях лучшие качества. Но, дорогие, позвольте... Дружба — вещь обоюдная. Если деньги пожрали у вас какие-то светлые чувства, значит, не такие светлые они и были.

А про поля, которые были зеленее... Быть может, и так, конечно. Но когда люди говорят подобные фразы, то не видно критичности в суждениях.

Что такое критичность? Умение воспринимать и оценивать информацию с какой-то долей объективности. Некорректно говорить «всё плохо», «езде один отстой» и прочее... Я бы сказал, что «вот это и это плохо, а вот то было очень даже хорошо». Или так, к примеру, скажу: мне тогда жилось хорошо, но не исключаю, что многим жилось плохо.

...Бабуля идет впереди меня и орет по сотовому примерно так: «Пална! У нас Интернету нету, так что сегодня я тебе ничего не напишу! Да, Пална, в наши времена такого,

конечно, не было! Внук и туда звонил и сюда, никто ничего. Конечно, Пална, раньше такое немислимо было!»

Конечно, было немислимо. Потому что не было ни Интернета, ни сотовых. И много чего ещё не было. И никто из живших в 70-е не мог себе представить такой технологический скачок. И какие степени свободы он даст...

...Мне тут позвонил товарищ-медик, и попросил вспомнить квантово-химическое прошлое. Ему нужно было узнать, идет хотя бы теоретически некая биохимическая реакция, или нет. Через пару часов я ему перезвонил и сказал, что не идет стопроцентно, так как даже по термодинамике не проходит.

«Жаль», — ответил товарищ, и мы положили трубки. Сравнительно недавно ответ на этот вопрос потребовал бы пары лет, и при этом человек пять защитили бы кандидатские и человека три докторские. А сейчас это просто обыденность, на которой не сделаешь даже самую дрянную курсовую работу.

Мой знакомый столкнулся случайно с проблемой: никак не мог объяснить своему сыну, что такое печатная машинка. Сын знает про Word, более того, в учебниках древнейшей истории он даже читал, что было такое программное ископаемое, как «Лексикон». А вот про печатные

машинки он уже не слышал. Я подключился к объяснению, но даже моё образное мышление не помогло: я видел, что он смотрит на нас, как на людей, которые обнюхались чем-то сильно наркотическим.

Размахивание клавиатурой с криком: «Вот понимаешь, вот только она есть, и ничего больше нет! Ни этого (показывая на системный блок), ни этого (показывая на монитор), ничего нет! Только она одна и на ней печатаешь!», только усугубило непонимание. Потому что сын задал вполне адекватный с его точки зрения вопрос: «А где же смотреть, правильно ли ты печатаешь»? Я ответил, показывая на край клавиатуры: «Вот отсюда вылазит бумажка, вроде как из принтера, и по ней смотришь, так или не так». Тогда мальчик спросил: «Это клавиатура совмещена с принтером?». На что папа ответил, что ни клавиатуры в нынешнем её виде, ни принтеров не было. Как не было мониторов и всего прочего... И вот если всё это выбросить, оставив только клавиатуру, то получится... В этот момент сын понял, что фаза помешательства отцов-командиров перешла в буйную стадию и тихонько молвил: «Пап, не надо ничего выбрасывать»...

...Много хорошего в веке нынешнем. Очень много. Настолько, что многие из тех, кто в нем родился, уже не

представляют в принципе, как без этого можно было жить. Как мы не представляли себе, как можно без электричества, без ванной, без утюгов, без поездов, без...

И мы уже не представляем, как же можно было жить без сотовых. Ведь сейчас, когда кто-то, отправляет в командировку, забывает мобильный, это трагедия национального масштаба. А прошло-то с той поры, когда их не было — всего ничего. По себе знаю: едешь в Москву, на полпути «осеняет» мысль: «А всё ли взял?» И начинаются поиски того же мобильника, который, словно специально прячется в карманных недрах. Но когда нашёл таки, жить сразу становится радостнее, светлее и веселее!

Моменты любви

Я далеко не Макаренко и Корчак. Не, за детишек я — что угодно. Но вот своих не воспитывал почти. И уж вообще крамолу скажу — я своего старшего полюбил, когда он уже стал сильно старшим.

Шел я с подстанции со смены. Ужас был. Вообще не приезжал на станцию. И под конец смены — апофеоз: у подростков алкоголь в крови достиг кумулятивного эффекта,

и они стали драться. Ножам. А в том доме ещё и лифт не работал! Лестничные пролеты — то ещё счастье. Девятый этаж!

И вот после такого иду, сильно шатаюсь, и — сын. Ждал со смены. Зачем? Потому что любил. Вот за эту любовь я полюбил его. Только тогда. До этого я был родителем-статистом. Не буду скрывать. А тут — понял! — родной человек! Открылась истина идиоту. И вот когда я обнял, в первый раз в жизни по-братски, как равный равного. Как брат брата. Как душу, которая со мной в одном направлении идет.

Я понял, что мы родные с моим сыном, когда он сынтуичил и поймал меня со смены, с которой я привез много трупов. Никого не смогли. Он только спросил: «Пап, сколько?» Я ему поднял обе руки и потом показал ещё один палец. Одиннадцать. И мы с ним оба шли, рыдая... Страшная смена. После неё тогда все как с войны возвращались. А он обнял меня, и мы шли как два друга, вернувшихся с войны...

Звонок. «Макс Валерьич, Алексеич прихворнул. Подменишь?» В это торжественный от осознания встречи с сыном момент я пью пиво. Вместе с ним. Я — в отказ. А сын все слышит, понимает, что иначе машину просто поставят и всё. И одной кардибригадой будет меньше в городе.

Потому что врачей-то нет! И стал меня уговаривать, чтобы я пошёл.

Говорю сынуле: «Ну че, погнали?» И погнали! Пришли в 4.20 утра, шатаюсь. Не от пива.

И вот этим случаем я понял, что многие родители просто подменяют любовь реальную любовью показной. Как и у меня было. Я не догадывался, что ему интересна моя работа. Считаю, что она может быть интересна только такому придурку, как я. Я не видел, что его друзья мечтают познакомиться со мной. Я считал, что им не интересны мои музыкальные композиции. Когда прилетел из Чечни, прошел мимо них, не заметив. А они, сын с друзьями, ждали. Когда он мне это сказал, я почувствовал себя не психологом, а гнидой родительской.

Старший пошел в мед. Я был против. Но вспомнил, как он ещё до поступления упросил, чтобы ему разрешали быть на операциях. И вот как-то я вез на кардиореанимации сложного пациента. И в Приемном — сын. Пошел по стопам отца, что называется... Я был совсем не в курсе, что он туда приперся. Треснул ему по башке легонько с улыбкой, он меня обнял — и разошлись.

... Узнав, что уезжаю на конференцию, говорит — возьми с собой. На ученых хочу посмотреть. И так грустно на

меня смотрит — понял, на какую «конференцию» я уезжаю. Я сказал: «Махать вслед не нужно. Беду намахаешь. Удачи тоже не желай. Просто по плечу хлопни».

Это была любовь, которая грела на войне отца и в миру сына. Которые общались друг с другом в реале очень немного. Так — по плечу хлопнули и разлетелись. Будучи при этом все время рядом. Душами.

Дети мои видели, как я работаю и что делаю, и захотели так же. Одноклассники им завидовали. Когда они к любому КПП подходят, и старший говорит — пропусти, это от Кузнецца. И они по части носятся и на танках катаются... И вот это были моменты любви. И эти моменты ценнее, чем сюсюканье, чем «воспитание».

НАДМЕДИЦИНЬЕ

Синий троллейбус

Что такое психология? Вникание в человека по полной. В его психалгии (душевные боли). В его «душевный кал». Потому что у многих такие скелеты в шкафу, которых на кладбище не увидишь. Психология — это сложно. Нужно обязательно знать нейроанатомию. И всю прочую анатомию тоже. Очень желательно — быть образованным в части литературы и музыки.

Я тащил пацаненка, у которого погиб отец. Он вообще прекратил говорить. Все доктора отказались. А я с ним стал ездить на троллейбусе. По кольцевой, вспомнив Окуджаву. Поначалу молча. А потом стал напевать ему эту песню:

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу,
В последний, в случайный

Последний троллейбус, по улице мчи,
Верши по бульварам кружение,

Чтоб всех подобрать, потерпевших в ночи
Крушение, крушение.

Последний троллейбус, мне дверь отвори!
Я знаю как в зябкую полночь
Твои пассажиры — матросы твои -
Приходят на помощь.

Я с ними не раз уходил от беды,
Я к ним прикасался плечами...
Как много, представьте себе, доброты
В молчанье, в молчанье.

Последний троллейбус плывёт по Москве,
Москва, как река, затухает,
И боль, что скворчком стучала в виске,
Стихает, стихает.

Лучше, чем Окуджава, никто не написал. Великие поэты — всегда великие психологи.

Я с этим пацаном ездил три месяца. Каждый день. У нас было сомолчание. Прямое и грустное.

А потом он заговорил... Хотя все коллеги говорили — бесполезняк, мол, хер ли берешься... И первые слова, которые он сказал, были такие: «Дядя, а откуда вы узнали, что я так люблю кататься на троллейбусах? Всегда папу просил покатать...»

НЕ ЗНАЮ, ОТКУДА. Понятия не имел. Вот это и есть психология. У. Учуять нужно слово. Нужный ритм. Нужную музыку. Нужный психообраз. Нужную психоситуацию.

Когда он заговорил, я его спросил — чего хочешь?

— Гитару.

— Ну пошли зарабатывать.

— Как?

— Сейчас я возьму свою и буду на площади стоять, а ты деньги собирать.

— ?!

— Да, так.

Конечно, я мог ему просто дать денег — у меня в кармане было на пять гитар. Но. После этого уже была не стойкая ремиссия, а полное излечение. Когда он уже заговорил, попросил его молчать дома, как и раньше. И заговорить только после того, как научится хотя бы три блатных аккорда брать. И сыграть и спеть. Он все сделал. Только со мной

разговаривал, я его учил играть, благо есть музыкальное образование. А потом он пришел домой с гитарой и спел.

После этого мне пришлось откачивать его мать. Они никто не верили, что я его вытащу.

...Я с ним спал на могиле его отца. Потом брал его с собой на Скорую. Когда он уже разговаривать начал, и когда гитару купили.

Когда я одному чиновнику рассказал об этом случае на каком-то банкете, он спросил:

— Каждый день, три месяца?!

— Да. Ровно в одно и то же время.

— А встречи? А вдруг на это время встреча была назначена?

— Старался не назначать.

— Но не всегда ж получалось!

— Не всегда...

— И что?

— Встречи отменялись.

— Почему?

— Потому что я медик, а не мудака.

— Вы хотите сказать, что мы — мудаки?!

«Пошли мне, Господь, второго»

А вообще все эти депутаты и чиновники люди достаточно несчастливые. Несмотря на все их деньги. Деньги, понятное дело, тоже нужны, но поговорка о том, что не только в них счастье, более чем верна. У меня был такой случай. Попросили приехать к умирающему чиновнику. Вернее, он сам и попросил. Я поехал, — мы когда-то были знакомы — хотя доктора мне сказали, что там никто уже ничего не делает. Ответил, что просто постою рядом. Если успею. Приезжаю, переодеваюсь, захожу в ПИТ¹⁷, вижу — всё, он уже задыхается. Стою. Смотрю. И он вдруг спрашивает: «Скажите мне, что самое главное в жизни?»

Отвечаю:

— То, чего у вас никогда не было.

— Чего?

— Друзей и уважения. У Вознесенского есть такие строки «пошли мне, Господь, второго». Вот этих «вторых» у вас никогда не было, несмотря на все ваши деньги. А у меня были и есть. А про уважение... Мне, когда я в ВЧ, бывает, приезжаю, честь отдают из уважения, а вам — по должности. И жена моя за меня вышла по любви и из уважения ко

¹⁷ Палата интенсивной терапии

мне, а не из-за денег. А у вас всего этого не было. Не было любви. Любви друзей, любви любимой женщины, любви близких. У вас были только деньги... Которые вы тащили мешками. И что? В палате этой стою я, по большому счету малознакомый вам человек, а не ваши близкие. Вы в погоне за властью и деньгами упустили самое главное — любовь близких — жены ли, друзей ли, детей...

— Я выживу?

«Нет, конечно», — думаю про себя.

Отвечаю:

— Да. Если поймете, что я сказал.

Потом пошли судороги, и я ушел, чтобы не смотреть на агонию. Пошел в ординаторскую. Там был один свободный доктор, попили с ним чайку, поговорили за жизнь. Покурили... Потом заходит тот доктор, который с ним был. Я киваю — мол, все понятно. А он так странно на меня смотрит и говорит:

— Максим Валерьевич, зайдите в палату.

— Зачем?

— Зайдите.

— Я ж уже переоделся.

— Оденьтесь снова.

— Ну что мне на покойника смотреть? Не видел я их, что

ли? Ну захотелось ему, чтобы именно я рядом с ним постоял, ну я приехал.

— Зайдите...

Заходим. И я глазам своим не верю. Он спит сном здорового ребенка, время от времени вздрагивая и бормоча «пошли мне второго, Господь». В оригинале по-другому, но он говорил именно так. Кардиограмма почти идеальная. Берем срочно биохимию. Тоже все выравнивается.

И вот стоим около него — три доктора (два штатных из этой больницы и я) и ни хрена не понимаем, как такое вообще могло произойти. С нас можно было писать картину «Три идиота у постели больного». Он был должен стопроцентно помереть. И никакая медицина ему уже в этой ситуации помочь не могла по всем канонам. Мы реально тогда обалдели все. Особенно когда он через два часа проснулся, зевнул смачно, и сказал, что хочет жрать. Только врач поймет, что мы чувствовали.

Потом он мне скажет: «Помогли ваши слова. У меня после них в мозгу что-то как бы щелкнуло, дыхание стало выравниваться, и я стал засыпать... Вот после этого вашего «да». И я про себя сказал, что все пойму. И уснул».

На следующее утро его можно было выписывать. Его еще подержали два дня в ПИТе, потом неделю

в общей, а потом выписали. Сейчас это уже не чиновник. Другая профессия, как он сам говорит, «я на службе у людей».

После этого случая я придумал термин «психореанимация», относя его к ситуациям, когда человека именно из физических, а не только психических, терминальных состояний можно вывести словом. Когда я понял, что и как произошло, сам «дотаскивал» людей, в числе оных и ребят на войне, этой «психореанимацией» — словами, музыкой, улыбкой, взглядом, прикосновением, объятием — не объяснить...

Был бы дефибриллятор...

Уже засыпаю, когда звонит знакомец-психолог, кричит: «Говорил с пациентом, и он упал, не дышит! Быстрее! Что делать?!»

— Адрес! Скорую срочно!

Такси. Одно из тех, где водители — друзья. Они поймут, они знают.

— Быстро! Человек умирает!

— Выхал.

Собираюсь. На кой-то ляд хватаю с собой когда-то

подаренный мне дефибриллятор, хотя знаю, что он сломан. По дороге из-за предельной скорости собрали за собой две гаишные машины. Тешу себя надеждой, что по приезде увижу Скорую у подъезда... Зря тешу. Вбегая в подъезд, вижу, как гаишники заламывают водителю руки. Разберется.

Вбегаю в квартиру. Самые худшие предположения оправданы.

— Был пульс на сонной, за секунды до тебя не стало, — вопит знакомец-психолог.

Прекардиальный удар. Качаю. Дышу. Скорой нет. Чую, много времени уже прошло, бесполезно, хотя знакомец-психолог говорит, что пульс на сонной есть, пока я качаю. Но только прекращаю на полмомента — ...

Отчаянная мысль — проводами, что ль, шархнуть? Углов делал в каких-то шестидесятых... Вот дурное сознание: несмотря на ситуацию, сразу краешково всплывают тщеславные кадры, как меня в 90-х представляли после моих очень ранневозрастных и первых медицинских успехов Федору Григорьевичу: будущее светило хирургии и реаниматологии. О чем я думаю? У меня человек, можно сказать, почти умер. ...Качаю... Дышу... Эх, был бы дефибриллятор... Где Скорая?! Зачем-то хватаю

сломанный дефибриллятор, включаю, — работает!!!
Чудо! Как? Откуда?

Разряд!

Фибрилляция...

Разряд!

И!.. — пошло сердце.

Смотрю по кардиоскопу — нормально. Дыхание — своё уже. На всякий случай ввожу ещё новодрин.

Входят медики с наконец-то приехавшей Скорой. Два человека. Значит — кардиобригада или токсикологи. На реанимации — три... Понимаю это всё уже краешком сознания, потому что чувствую, что сам «плыву». Врачей вижу размыто, как-то странно они ко мне приближаются... Медленно... Обморок? Похоже. Открываю рот, — ни звука. Руки немеют. Пульс — нитевидный. Про пульс — это уже со слов женщины-врача. Я её ещё вижу. Я ещё вижу, как она мечется между мной и тем, кого я спасал. Но сказать уже ничего не могу. Лишь помню, что экстрасистолы, когда качал, бухали как набатный колокол.

Вкололи кучу всего, полегчало. Настолько, что я смог доходчиво объяснить, почему не хочу никуда госпитализироваться: «Напишите — аритмия. Тем более, что это почти правда».

Гештальт завершен

Пятнадцать лет назад мы приехали на вызов к парнишке со страшным ранением... Прекрасное лицо, изумительное телосложение и вот такая страшная рана... Мы не смогли его довести. Уже к нашему приезду у него была кровопотеря около половины от ОЦК¹⁸. Он понимал, что умирает, и попросил меня пожать ему руку. Я крепко сожал ему руку. И держал её до его ухода. Я это рукопожатие никогда не забуду.

Совсем недавно, в совершенно жуткой ситуации я реанимировал в поезде парнишку тех же лет с таким же светлым лицом, как у того, и с ранениями не менее страшными. Его сбilo поездом. Два часа реанимации. Медики и спасатели понимают, что такое реанимировать человека, по которому проехал поезд. Нужно было дотянуться до магистрального сосуда, иначе всё бесполезно. Эта реанимация/операция была одной из самых крутых, которые мне доводилось делать. У меня совсем еще не маячили руки, но ровно на тот момент размаячились...

Пять остановок сердца (от травмошока и кровопотери). Как ни странно это звучит, его спасло то, что я сам в тот

¹⁸ Объем циркулирующей крови

момент сильно болел. И вез с собой кучу медикаментов (СП отдыхает, сколько я с собой вез на курорт). Плюс, впопыхах собираясь, кинул с собой зачем-то сумку с хирургическими инструментами. Чисто случайно. Они и спасли в той ситуации. А сколько физиухи мы ему перелили — всю, которую для себя вёз. Мне не понадобилась — на курорте полегчало, и обратно ехал почти с тем же набором медикаментов, что и туда.

И парень этот схватил меня за руку, перед тем как я сдавал его бригаде реанимации ЦМК.

Я крепко пожал его руку и, насколько мог оптимистично, сказал: «Выживешь. Гарантирую».

Я дико хотел спасти этого парнишку... Постфактум знаю, что он жив. Гештальт завершен.

Наши внутренние ритмы

Прочитал в журнале «Химия и жизнь» интересную статью «Наши внутренние ритмы». Суть в следующем. В нашем мозге есть промежуточная структура, так называемая «шагательная полоска», модулирующая потоки регулярных нервных импульсов от генератора колебательных движений в мозге. Работает такой генератор в диапазоне частот

4-10 Гц, причём у каждого человека своя врождённая частота. Подведено это устройство ко всем парным мышцам-антагонистам. В норме влияние генератора внешне не проявляется. Случай отклонения от нормы — болезнь Паркинсона. Но с помощью датчиков всегда можно зафиксировать мельчайшие колебания (допустим у военных, стоящих в строю).

Естественно, что в обычных условиях и невооружённым глазом колебания тела незаметны, поскольку в головном мозге работает тормозной механизм. Сбой в работе этого механизма и есть болезнь Паркинсона. Структура мозга, отвечающая за работу тормозного механизма, называется «полосатое тело» и находится в лобных долях мозга. Известно, что при каждом резком падении артериального давления (АД), лобные доли обескровливаются в первую очередь, что и является причиной обморока при падении АД. При этом всегда гибнут нервные клетки полосатого тела. По этой причине немало количество боксёров, исчерпав по причине нокаутов свой лимит нервных клеток в полосатом теле, к концу жизни в прямом смысле слова трясутся без удержу (травматическая болезнь Паркинсона). Самый яркий пример — великий боксер, неоднократно чемпион мира Мохаммед Али. Некогда один из самых

сильных людей планеты, сейчас он из-за постоянных судоворог с трудом может поднести ложку ко рту.

И ещё одно интересное наблюдение. Как было сказано выше, шагательная полоска работает в диапазоне частот 4-10 Гц. По этой причине быстрота написания букв или скоропись машинистки может сколь угодно близко подходить к частоте 10 Гц, но никогда её не превысит, поскольку это генетически заложенный предел (вот и пришлось изобретать стенографию).

Кстати в фортепианной и гитарной музыке самый быстрый приём — *vibrato* — тоже выполняется со скоростью 7-8 ударов в секунду. В гитарной музыке, правда, есть ещё более быстрый приём — *tremolo*, который требует 8-9 ударов за секунду и относится к виртуозным приёмам игры на гитаре. Что интересно, этот приём мало у кого получается, а большинство из тех, пришли к нему через кровь (в прямом смысле слова) и пот изнуряющих тренировок. Но есть и такие, кому этот приём дался без особых усилий (вероятно, у них частота близко к 10 Гц). Сам я отношусь к последней категории.

Три минуты тишины

Знаете, как снайпера стреляют? Они не думают о том, что им-нужно-обязательно-попасть в цель. Они просто знают, что попадут. Game over — нет. Есть — минутная передышка перед новыми горизонтами.

Пока в глухой деревне лишь фонарь
Нам путь-дорогу к дому освещает,
Я знаю: всё не зря, что было встарь,
Всё впрок. А жизнь о том нам сообщает,

Что мы слегка споткнулися с пути,
Не на свою присели мы скамейку...
Что не своей пошли узкоколейкой,
Что нужно Широту свою найти...

Фонарь я тот, брат, видел. То был Он —
Случайный человек, в село забредший,
Но свет его души со всех сторон
Сто вёрст окрест путь освещал всем пешим.

Я подошел к нему, и он сказал,
Легонько приобняв меня за плечи:
«Присядь и отдохни. Ты подустал.
Пока ж меня послушай, Человеке:

Не гаснет еще свет, друзья мои,
И день на смену ночи вновь приходит.
...Судьба не от безумья нас кроит,
А только к здравомыслию подводит».

Какие шаги предпринять для «моральной реанимации»? В первую очередь, знать и понимать, что вы — хороший и умный человек. И у вас всё будет нормально, несмотря на небольшой перерыв в благосклонности фортуны. Постарайтесь то время, на которое фортуна от вас отвернулась, просто переждать.

Фортуна — она же женщина, с ней надо работает по принципу: «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Поэтому, если отвернулась, да ещё так резко — некоторое время не обращайтесь на неё внимание. Священная беззаботность! Просто стою и ничего не делаю. Просто отдыхаю. А потом — просто думаю.

...А Фортуна образумится, вернётся. Обязательно. Количество времени, которое нужно для того, чтобы вновь приманить Фортуна, индивидуально для каждого человека и для каждой ситуации. Марк Лазаревич Галлай, великий наш летчик-испытатель, писал, что даже в сверхэкстремальной ситуации, когда на решение есть лишь пять секунд — две нужно ничего не думать, просто «отдаться полету, приняв неизбежное», а следующие три спокойно попытаться что-то сделать. Когда мне случается кому-то оказывать экстренную помощь, я всегда работаю именно так:

(1) уже видя ситуацию, всё равно позволяю себе эти две секунды священной беззаботности. Для сброса зажимов. В реале это — почти мгновенное напряжение и расслабление всех подконтрольных мне мышц. Эти две секунды тайм-аута нужны обязательно! Это как шлюз между двумя водоемами с разными глубинами: прошлюзоваться нужно обязательно! Нужно понять, что сейчас ты переходишь в иной водоём, на иные глубины и подстроиться к новым условиям.

(2) Три секунды на трезвую оценку ситуации.

(3) Дальше — осмысленное действие.

У вас есть больше, чем пять секунд. У вас есть часы и даже дни — ничего более фатального, чем уже есть, не

случится, если вы на пару дней возьмёте «тайм-аут». Не беспокойтесь ни о чём — даже недельные тайм-ауты понимаемы всеми. Помните, что иногда лучше «не сделать ничего, чем сделать НИЧЕГО». Посидите, поплюйте в потолок, подумайте... Главное слово в этом предложении: подумайте. Жизнь сама толкает вас к небольшому отпуску, чтобы вы подумали, что делаете не так.

Знаю человека, вылечившегося от неоперабельного рака. Когда он узнал и осознал диагноз — чувство безработности: вот теперь-то я волен делать то, что хочу. И делал. Что хотел. Некоторое время. Потом — попытки выхода из ситуации. Попытки, насколько позволяла ситуация, спокойные... С полным осознанием того, что может случиться самое худшее. Многочисленные консультации, чтение литературы, благо чётко понимал, что читал и о чём консультировали — медик. Дальше — действия.

Нестандартнейшие. Вместо койки в онкопалате — вылазки на природы. Через «не могу». Через пот, кровь и рвоту. Вместо предсмертных капельниц — новые горизонты деятельности. Вместо раздражающе-скорбно вопящих у смертного одра родственников — умиротворяющий шелест листьев... Лекарства, конечно, были. Которые, по мнению всех, никак не могли помочь.

Самое главное

Вызов к ребенку. Приехали — ничего не понимаю. Лечим симптоматически. А давление падает — 40/20 — потом остановка. Одна, — запустили, — вторая... Я по-прежнему ничего понять не могу. Кроме того, что — всё. После второй остановки на какие-то секунды отключился от происходящего, пока там всё капали, и представил, как я прихожу к нему, уже живому и здоровому в больницу на выписку. Явно представил. Предельно явно. И — осенило. Редчайший синдром. Множество докторов с ним за всю свою врачебную жизнь не сталкиваются.

...На выписку я к нему, уже здоровому, пришёл.

Я не экстрасенс, но. У меня был случай. Консультировал эпистолярно парня. И вдруг ночью снится сон, как я еду в Н-ск. Город, из которого тот парень. Улицы, вся обстановка, и снится, как тот парень самоубивается. Чувствуя себя полным идиотом, вызываю водителя, впопыхах распечатываю карты с улицами, которые приснились, — хоть и недалеко от нас, но доселе не были, — и мы ночь полночь мчим в этот город.

Когда приехали, водитель, понимая, что директор уже тью-тью, так осторожно меня спрашивает: «Где встаем,

Максим Валерьевич?» «Давай ещё поездим, не вижу этого места».

Водитель, вздохнув, кружит. И в одном месте я ору «Стоп!!!»

Стоим полчаса. Я уже сам ощущаю себя полнейшим дураком. Водитель спрашивает: «Валерьевич, а ты знаешь его адрес?» «Да». «Так давай посмотрим по карте!!!» «Нет, мы будем стоять здесь, я уверен, что его нет по тому адресу». «Почему?!» «Не знаю... Но так. Я ж не идиот, чтоб сразу, зная адрес, по нему не поехать...»

На водителя было страшно смотреть — он точно тогда был уверен, что я идиот. Причем полный и навечно. Полтора часа. И — он идет. Выхожу из машины: «Разрешите представиться — КМВ». Он на меня смотрит безумно и говорит: «Откуда вы... Откуда вы узнали?!»

А я не знаю, откуда. Вот было ровно так, как сказал. Посадил его к себе в машину, и ещё одного покойника до срока не стало. Кстати, водитель, который будет слушать разговор, чуть нас не разобьет. Парень спросит, что меня сподвигло встать именно там, это ж не его дом. Отвечаю:

— А мне привиделось, что ты перед суицидом зайдешь попрощаться к своей девахе. И приснились улицы. И номера домов. И что ты пойдешь через двор, который тоже

явственно во сне видел. Вот мы и кружили, ища этот двор...

— А вы знаете, как звать ту девушку, с которой прощался?

— Думаю, что да. Так моя мама хотела назвать мою не родившуюся сестру и так зовут дочь моего друга.

— Как?

— Кристина.

— Да...

И вот на этих словах водитель выпустил из рук баранку, и мы чуть было все не.

Много лет назад, дитём можно сказать, я при своем учителе, великом враче-хирурге, начну читать книгу про Пирогова. Из ЖЗЛ. Вернее, не читать, а листать... Ту, книгу, которую он мне только что подарил. И, прогнав по диагонали пару страниц, явственно ощутил: знаю, что будет написано дальше. И сам этого испугался. Просто настолько явно увидел всю обстановку того времени, что ... Сказал тому доктору. Он на меня странно посмотрел, стал спрашивать, что дальше. Я отвечаю. Он потом надолго вышел, а когда вернулся, сказал: «Парень, у тебя будет жизнь нелёгкая, но весёлая. Мне Наталья¹⁹ рассказывала про такие случаи. Она

¹⁹ Наталья Петровна Бехтерева (1924-2008) — выдающийся отечественный нейрофизиолог, академик, руководитель Института мозга человека РАН (Санкт-Петербург).

их несколько раз видела. И сказала, что после такого, будучи отъявленным медиком и материалистом, поверишь и в переселение душ и во что угодно, и поймешь, что мы ни хрена не знаем о мозге вообще и о мире в частности».

Я четко знаю, что все идет от головы, и самое главное в медицине — вера. Причем даже если человек в бессознательном состоянии, и сам верить уже ни во что не может. Тут уже нужна вера родственников (имею в виду веру не в религиозном плане, а веру в выздоровление своего близкого). И моя вера врача в то, что человек выживет.

Я всегда краешком сознания в самых даже наисложнейших случаях представлял, как человек — уже живой — приходит и нас благодарит. И всем родственникам так говорил — верьте. Зряче верьте! Представляя, как вы с ним гуляете где-нибудь в Париже. Со здоровым и полным сил. Так нескольких людей излечил от рака. В четвертой стадии, когда медицина официальная, сказала, что уже усё — неоперабельно, три месяца максимум и т.д. «Парижский случай» именно таков. Когда через год мне придет инопочта, и там будет фотография мужа и жены на Эйфелевой башне — а муж уже не вставал...

Я друга своего вытащил, по сути, вообще без лечения. Просто стал возить, начиная с Золотого Кольца и заканчивая

Крайним Севером. Диагноза он не знал. Тоже — неоперабельно. Из Китая заказал все травы. Поил ими. И только. Наплел ему — и остальные также — что ничего страшного, только травок попить и психотерапия. В качестве которой использовали поездки. Он жив по сию пору.

По закону рифмы

Я не уставал никогда поражаться, что эту книгу дети крали из библиотек, а взрослые её в упор не хотели видеть. У меня только много писем на эту тему. От детей! Я хочу созвониться с Чулпан Хаматовой. И предложить ей идею закупить для всех детей книги Владимира Леви «Нестандартный ребенок».

И второе. Сделать так, чтобы на базе нашего, уже отточенного годами сайта, больные детишки общались друг с другом, вытаскивая друг друга. Я по войне знаю, по альпинизму и многому другому, что только когда ты друг за друга, то выходишь из самых безвыходных ситуаций.

Я обязательно предложу Чулпан Хаматовой это. А мы с ВЛЛ и всей нашей командой будем сторожами детсада.

А про «потянем»... Уже на полном серьезе. Так уже не раз потянули же. Владимиру Львовичу дети пишут беспрестанно. Про себя уже говорил. Про опыт работы в детском хирургическом. К слову. О том, как дети могут вытаскивать друг друга. По закону рифмы — вот никогда это не забуду, тут уж все остальные законы отдыхают — к нам в отделение доставили в один день трех детей. Онкология. Бывает такое и в детстве. Доставили их, собственно не к нам, а в реанимацию. Умирать. И причем — все дети состоятельных родителей. Все из Израиля.

Привозили их с разницей в полчаса. Нас реаниматологи задержали. А мы чего — только плечами пожать могли. И руками развести. Страшные тучи... Детям сильно повезло. На меня дурака. И на умного зава. И на классных хирургов, которые по какой случайности приперлись в стационар, хотя не дежурили. Кто забыл чего-то, кто к кому-то, кто еще не пойми зачем.

А меня мой учитель учил до последнего шанса. Выдающийся хирург. Мы с ним книгу писали. Не успели. Он ушёл. Светло и легко. В 85. С дежурства в кардиологию... Пережив перед этим инфаркт в 62. И всегда говорил — только любовь детишек и спасала.

Посмотрел я пацана одного... Зав видит тоску в моих глазах и говорит:

— Ну че, пойти хочешь?

— Да. Вот так и так сделать.

— Может и пройдет...

Пошли мы тогда. И всех троих вытянули. Конечно, не мы одни. Третьего на другой день прооперировали. Первые-то два были критичны уже совсем.

Был сложнейший послеоперационный период. Но таки хваленая израильская медицина отдохнула. Когда я увидел, какой шов наложили на аорту, я матерился на неё так, что она должна ещё лет сорок по пустыне шарахаться, чтобы ума набраться. Не доводил их Моисей.

Ну да ладно о медицине. О детях. Так вот, они так друг другу помогали, что я поразился. Сдружились так, что по сию пору вместе. И день своей выписки отмечают каждый год. Мы выписали их в один день. Хотя можно было в разные. Но все решили, не сговариваясь, что по судьбе будет верно, что если уж поступили в один, то и выписывать будем в один.

И вот дети — сдружились. И ежегодно приглашают нас на день выписки своей. А родители между собой — нет.

Я их с ноги из отделения выпинавал. Потому что ребятам покой нужен, а они меж собой в склоку. Причем при детях. Я тысячу раз говорил, что все, кто работают с детьми в тех или иных качествах, больше всего не выносят родителей.

Знаете, как я рак у одного пацана вылечил? Парашютом. Ему сильно хотелось прыгать с парашютом. Но в его ситуации — ходить-то с трудом. По моей просьбе мой друг — мастер спорта международного класса — прыгнул с ним в «двойке». И даже не разбились. После этого прыжка вся биохимия пошла туда, куда должна.

Рок

Медицина всё-таки — крайняя профессия. Берешь на себя чужую боль. И, самое страшное, вольно или невольно передаешь её своим близким. Ладно б сам, а тут близкие страдают. Особенно дети, которые, даже ничего не понимая, все равно эту боль прочувствуют и перетащат на себя. Я ушел из реаниматологов, когда увидел, что меня и близких начинают преследовать какие-то необъяснимые вещи. Хотя нравилось работать и учить тех, кто только ещё ступал на этот путь. Пришлось отработать на

всех реанимациях — на кардиореанимации, на токсикологии, на «просто» реанимации. Работал и на скорой помощи и в стационаре. Работал и хирургом и неврологом поначалу. Короче, в каждой бочке.

А потом... Потом я стал вздрагивать почти истерично на словах «реанимация, вызов». Раньше такого не было. Более того, я слыл счастливым доктором даже не в плане того, что низкий показатель смертности, а в том плане, что со мной все хотели встать в смену, потому что у меня было всегда мало вызовов. Мы на подстанции по полсутки с мужиками в домино играли. Потом — все изменилось. С точностью до наоборот. И даже близкий мой товарищ, мой первый фельдшер²⁰, которого я сам учил, срифмовал Кузнец-п...ц.

Потом вообще стало твориться невероятное. Больше десяти вызовов за сутки. Это означает — не приезжали на подстанцию вообще. Причем — взрывы, падения самолетов и прочие редкие случаи. Чего некоторые врачи за жизнь свою врачебную ни разу не видят. Даже реаниматологи. Мало у кого на сменах падали самолеты. И когда в стационар передали, что падение самолета, там один доктор так и сказал, что самолет может упасть только на смене

²⁰ На реанимации трое на вызов выезжают, врач и два фельдшера.

у Максима Валерьевича. Вот все самые крутые случаи как бы поджидали именно меня.

Да, я неплохо штурвалил. Но когда у меня за смену было пять (!!!) вызовов только (!!!) на суицид и только (!!!) к солдатам в воинской части, я понял, что Бог уже не то что грозит мне пальцем, а бьет по голове. Таких совпадений уже быть не могло. Это при том, что раньше я на суициды именно реаниматологом вообще практически не выезжал. Как психолог много работал, а реаниматологом — ну пару раз порою за год. А тут — на тебе. Что интересно, все солдаты практически на одно лицо и уж точно одного телосложения.

После третьего раза сказал коллеге — давай поменяемся. Он сел на реанимацию, а я вместо него на кардиологию. Еду с вызова — самоубийство в воинской части, которая в черте города и мимо которой я проезжаю как раз. Кардиобригада — суть та же реанимация, если она ближе к месту вызова, посылается именно она. После пятого случая в 4.30 утра я ушел со смены, попросив коллегу приехать раньше. Потому что я приехал в какой-то дом по вызову на аритмию. Ничего сложного — не страшная. Чуть отъехали — вызов в этот дом на самоубийство. Солдат, приехавший в отпуск, выбросился из окна. После этого я слез со

смены. Ладно бы одна такая смена — бывает у всех. Но когда почти каждая — это уже клиника.

...Более того, с близкими стало происходить неладное. Про себя уж молчу — тут объяснимо. Перенапрягся, стрессы, ел плохо и нерегулярно и т.д. Но когда с близкими. С братишкой младшим, с друзьями, с детьми. С этого момента я понял, что я свое отменил.

Хотя уходить было тяжело. Честно. Безмерно. Особенно когда главнюк на «утреннике» сказал, что сегодня у нас тяжелый день, так как Максим Валерьевич принял таки решение рассчитаться (до этого я был как бы в административном отпуске — не рассчитывали).

Чтобы главный про меня такое сказал, это из области фантастики, так как мы с ним, мягко говоря, сильно орали друг на друга. И он меня терпеть не мог за то, что не может мне симметрично ответить — знал, что я тут же уйду. А тут аж зачитал послужной список: открыл тот-то и тот-то, участник боевых действий, самоотверженно там-то и уж совсем самоотверженно — там-то. Я аж прибалдел и впервые в жизни с ним обнялся. А на глазах у некоторых были слезы. Хотя я был очень трудным в общении доктором.

Дембельский аккорд

Однажды, уже после того, как я был уволен, приехал к подруге в ординаторскую, она по стационару в ту ночь дежурила. Решили попить коньячку. Да, на дежурстве. Потому что когда по трое суток кряду, иначе не выдержишь. Она дежурила по нормальному отделению в том плане, что там ничего экстренного особо не бывает. Да и 100 грамм — не доза.

И — блин. В городе началась война. Разборки. Косяком огнестрелы. Поток раненых, как на войне. Вот ровно такой. Пахали все больницы. Штата ну никак не хватало. Съехались все. Приехал и главный. Коллегу срочно в операционную — она хорошо оперирует (анестезиологов вызвонили, а вот хирургов многих нет — выходной, все на дачах, а там сотовые не берут).

Она ушла, я как дурак сижу в ординаторской. Называется, заехал выпить коньяку в ординаторскую! Выпил стопочку в одиночестве, закрыл ординаторскую, и, отдав медсестре ключ, пошел на выход. И тут — главный бежит навстречу. Хотя, по моим представлениям, он бегать должен был разучиться лет двадцать назад.

Он мне:

— Ты чего здесь?

— Да вот просто посидеть заехал.

— ?!! Иди передевайся!

— ?! Я не работаю!

— ?!! Задним числом.

Я на него посмотрел как на идиота. Я у них, конечно, числюсь там каким-то на десятой воде консультантом, но в операционную... Чуть не на коленях — нет никого, а сам не могу. Он действительно блестящий администратор и диагност, но хирург никакой. Он меня буквально за шкирку в приемный, и когда я посмотрел на парнишку, который просто проходил мимо и стал заступаться, то сдался. Глупец, конечно.

Как он дожил-то, не понимаю. Черепно-мозговая травма, ранение левой почки, кишечника, селезенки, голеностопа, левого легкого, задето сердце... Там, по сути, тремя бригадами нужно было оперировать. Мы как дураки стояли и не понимали, с чего начинать, машинально при этом что-то делаем. У анестезиолога вообще крыша съехала, хоть и мужик опытный. Слава Богу, потом приехал главный уролог и главный ангиохирург, по совместительству главный торакальный хирург. Который, собственно, был уже и не нужен...

А я уже был никакой, готовился к трепанации, после того, как разобрался с ранением сердца, легкого, сделал спленэктомия²¹ и прочее и решал, что с почкой-то делать.

Вот так. Чуть заинтубировали его. Потом старший по отделению экстренной хирургии мне говорит: «Валерьич, ты лучше вон того, а я сюда». «Того» было проще, но это был бандит. Я б его самолично... Мол, ошибся. Поэтому сказал: «Куда уж послали, там и буду, а того ты сам». Опять дурак. Потому что выяснилось, что там ещё и ранение сердца. Шилом. И, блин, такое тонкое, что и не разглядишь.

Не сразу догадались. Сильно не сразу. В трех местах. Слава тебе Господи, что подъехал наш главный ангиохирург и стал потом за меня дорабатывать. Сердце-то я до него успел, а сосуды он уж потом филигранно сшивал. Парня всего истыкали, изрезали, переломали, избили и изуродовали, а все травматологи — в других оперблоках. Взял час на перекур в ординаторке, затем пошёл на смену, делать ему репозицию²², матерясь на всё на всех и вся.

²¹ Удаление селезенки. Производят при разрывах и ранениях, опухолях и кистах, некоторых заболеваниях селезенки.

²² Восстановление правильного положения смещенных отломков костей при переломах.

Сделали. Приходит биохимия. Такая херовая, что сил нет. Понимаем, что нужно идти на нефрэктомия²³. Капсула Шумлянского²⁴ — к херам собачьим. Спасли почку. Там всё уже на пределе было. И все — на пределе. Тут подоспела подмога.

Это был мой дембельский аккорд в медицине. Да, классный аккорд. Однако давшийся мне ценой отката по здоровью²⁵. К пацану ходил — нормально всё. А у меня самочувствие таксебейное. После этого я понял, что моя медицина закончилась. Каждому свой срок работы в профессии. Это Углов может до ста лет оперировать, а вот мне нужно было сильно меньше. И Господь давал об этом знать. Я не слушал.

²³ Удаление почки.

²⁴ Структурная часть почечного клубочка.

²⁵ События происходили примерно за год до смерти автора.

ВОЙНА

Что такое война

На этот вопрос я буду отвечать всю свою жизнь.

Война для меня это — погибшие друзья. Некоторые — на моих руках.

Война для меня это — Братство.

В том числе и то Братство, которое сохраняется и после ухода Ребят в Тот Мир. Уже знаю, что есть Другая Жизнь. И когда мне было невозможно, я приходил ночами на могилы Друзей, открывал коньяк, порою, бывало, засыпал... Для того, чтобы прикоснуться к ним в этой Другой Жизни. Зная то, что это прикосновение поможет встать и мне. И помогало. Один раз, когда я не смог спасти ребенка. Для тех, кто не понимает, поясню — когда умирают дети у тебя на руках, это безмерно страшно... И вот после этой смены я пошел на могилу к своему другу и там, не успев даже выпить стопочку, на земличке его и уснул. И когда проснулся, как будто новым человеком стал.

Война для меня — это мой погибший сын.

Война для меня — это предатели, которые сдавали маршруты передвижения колонн. После чего много

молодых и резвых парней уже — не. И я им потом разве что стихи могу писать.

Война для меня это — грязь и политическая погань, которая провоцирует вражду между нашими народами. Недавно приехал в Грозный. Зашел в ресторан. Там были только чеченцы. Подошел, поговорил. Так, мол, и так. Да, воевал. Вот так вот получилось... Есть гитара? Гитара нашлась. И я им сначала спел песню «Летела жизнь» Высоцкого. А потом еще много песен. Сначала там сидело несколько человек. А потом всем просто не хватило места. Потом я ездил в госпиталь консультировать сына одного из тех, кто был на том вечере. А когда меня провожали на поезд, одна тварь полковничья маслянисторожая к нам подошла и говорит: «Вы че тут делаете, чеченская мразь?» Мои друзья-чеченцы, между прочим, сдержались и попытались вырулить конфликт. Им это не удалось, поскольку меня просто переклинило от этих слов, и я набросился на этого полковника. Он жив только благодаря чеченцам, которые меня от него оттаскивали. И вот это тоже война.

И при этом война для меня — это чистота. Чистота человеческих отношений. Которые не зависят ни от национальности, ни от вероисповедания. ...У меня есть близкие друзья из Чечни и Дагестана. Которые за меня — случись

чего — всеми своими горами встанут. И вставали уже. Я знаю, что один звонок — и прилетят все. Потому как мы все вместе воевали на одной стороне против бандитского быдла. И я точно также — если вдруг чего — по первому звонку в любом состоянии — sic! — вылечу к ним первым же бортом. Такие же друзья у меня есть и среди осетин и среди грузин.

Война для меня — это раненый чеченский пацаненок. «Дядя, я жить буду? Дядя, я задыхаюсь». Подстрелили русские. Какой-то м...дак из штаба послал в бой не спецов, а молодых ребятешек, один из которых с перепугу подстрелил чеченского пацана, не представлявшего никакой опасности. А я потом под нашими пулями тащил его на себе. Бывает такое на войне.

Война для меня — это мужики из МЧС, которые брали отпуск за свой счет, чтобы статистику по потерям не портить, и ехали в Чечню искать пропавших без вести.

Война для меня — это парни с ПТСР (PTSD)²⁶ которых я вытаскивал из самоубийств. И те Братишки, который меня самого вытащили оттуда же, сумев помочь мне

²⁶ Посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР, «вьетнамский синдром», «афганский синдром», «чеченский синдром») — психологическое состояние, которое возникает в результате психотравмирующих ситуаций, выходящих за пределы обычного человеческого опыта.

так, что. Что я жив. Позвонил своим близким друзьям: «Ребят, пока, не могу больше». А я как медик знаю прекрасно, как это все можно сделать безболезненно и быстро. Ребята же... Они сумели найти те слова, которые меня заставили их дожидаться. И потом отказаться от решения. Смеем заверить, что для меня, человека, который сам многих спас от суицида, такие слова подыскать сильно не просто. Потом они приехали, и мы сидели ночь-полночь. Чего им стоило приехать — не сказать. Но — за друга сумели.

«Максу от Кольки»

Меня терапевтирует ветеран ВОВ. Дедушка такой... Я тут несмотря на все запреты медиков — левая рука почти не, и всё по левой стороне также не. Решил поработать на кране. На своем родном. Руки всё вспомнили и размячились. Сработал классно, ничего не забыл за 10 лет.

Ветеран тот сказал: «Пацан, ты всё сделал верно. Мы также в атаку ходили под Одессой. Уже ничего не можешь, а идёшь. И это — единственный шанс выжить. Пацан, ты должен выжить. Я прошёл тоже, что и ты. И тоже был ранен. Ну вот жизнь такая, Максюха. Ну ты давай хоть как,

хоть потихоньку, чтоб хоть о нас написать. Давай, боец. Как мы тогда в сорок втором. Рука выправится. У меня тридцать лет нога не ходила. Расходил. За тридцать лет. Нас тогда меньше пятидесяти оставалось. Против целой армии. И мы стояли. И ты стой!»

Рассказал ему, как отказался от Героя РФ, потому что моего друга не наградили. Как ещё при Союзе, пацаном, спас другого такого же девятилетнего пацана, который тонул. Я сам плавать ещё не умел толком, но прыгнул. Больше никого не было. И он, дедушка этот через день приносит свою Звезду Героя СССР и говорит — она твоя.

— ?!

— Ты что, Президента уважаешь, а меня нет? Только он должен награждать?! А вот тебя награждаю я. За то, что тогда, девятилетним пацаном не струсил. Я навёл справки. И ты соврал. Там был не один человек, а три. И тебе хотели давать самую высшую награду Советского Союза. Или как минимум Орден Мужества. Но потом из-за возраста передумали. М...даки. Вот теперь тебя награждаю я.

Его Звезда у меня. И ценнее награды, думаю, нет. Конечно, это только для домашнего шкафа, но тем не менее.

Дедушка справки будь здоров навёл. Остались ученики. Вернее, уже ученики его учеников. И все документы ему

показали... И мне заодно. Я-то их не видел никогда. Лишь в 90-х узнал, что писали какое-то представление к награде, а ограничились значком «Юный осводовец».

А ещё тот ветеран подарил мне кортик свой. С надписью «Максу от Кольки». Заказал на свою пенсию, чтобы эту надпись высекли. А я как это увидел, сразу вспомнил «Олень золотые рога». Сказал, что любимая книжка юности. И там сюжет аналогичный. Он на меня так странно посмотрел... И сказал, что это любимая книжка его старости. И много рассказал про автора.

Нужно ли обсуждать приказы?

Не знаю я ответа на этот вопрос. Всегда — по интуиции. Если ты вдруг понял, что на пути твоих бойцов стоит засада, а командование ещё этого не узнало, или не захотело узнать, меняй маршрут передвижения и действуй согласно реальной обстановке, а не той указке, которая была спущена из штаба. Один мой знакомый генерал хорошо сказал: «В бою нет генералов, в бою есть только бойцы». Я с ним полностью согласен.

Два медицинских примера. Один врач не выполнил моё указание — я был старшим — и решил поступить по-своему. Больной уже не болен. Потому как мертвые не болеют. Другой врач в аналогичной ситуации пошел «на рынок» — проигнорировал мои указания и сделал всё, как считал нужным сам. И человек жив. А если б сделал, как сказал я, то, скорее всего, его бы не было. Не потому, что я что-то не то говорил, а просто там ситуация резко менялась, Я давал советы, малодейственные для той ситуации, а он видел всё это в реале.

Многие мои поступки/приказы/решения часто с внешней стороны выглядели идиотскими потому, что я просто знал на порядок больше в плане информации, чем другие. Они не видели той диспозиции, которая была видна мне... Поэтому, если доверяешь командиру, выполняй его приказ.

Но — были случаи, когда рядовые подсказывали самые верные решения. Всегда слушал. Никогда не бойся погон! Считаешь, что командир творит не то, не стесняйся об этом сказать. Пусть он тебя обматерит, и пусть ты и не прав был, но. Всякое бывает... Я знаю случаи, когда... Да ладно, это мой случай.

В тот момент, когда я должен был быть по всем параметрам максимально собран, мне сообщили, что у меня на

МОНе подорвался друг. Близкий. Погиб сходу. И мне было уже на всё... Вот сдали нервы и всё тут. Краешком сознания вижу ребят, и тем же краешком понимаю, что мы сейчас из-за моего такого безответственного поведения все тоже. И один боец рядовой просто подошел и треснул мне по харе. Сильно. И сам испугался. А я пришел в себя и стал принимать адекватные решения. Все живы.

Потом генерал спросит меня, откуда синяк. А я, дурья башка, скажу, что мне солдат врезал. Объясню ситуацию, но. Но потом узнаю, что ему, бойцу, такое было за это. Потом я на весь штаб буду всех материть, орать, что это, конечно, **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ** случай, но на **ТОТ** момент, он, солдат, был **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** прав. И что его награждать нужно. За то, что когда командир вышел из боя — не важно, по какой причине — он, по сути, принял командование на себя.

Другая правда

У нас в доме жило несколько ветеранов. Я был очень дружен с ними. Их рассказы — отдельная тема. Они сохранились у меня, я за ними записывал. Кстати, упросить их

рассказать о войне удалось далеко не сразу, да и не всех. Один старикан наотрез отказывался что-либо вспоминать, хотя было видно по нему, что помнит все прекрасно. С этим ветераном никто из них не общался. Спустя очень много лет после войны старики не могли пересилить какой-то ненависти к нему. Вернее не к нему, а ко всему СМЕРШу, так как непосредственно с ним они на войне не встречались. Другого человека они ненавидели, так сказать, заочно. Этим человеком был Сталин.

Никогда не забуду, как я пошел в гости к тому «изгою-ветерану», послушать его правду. А ветераны за этот мой демарш обиделись не на шутку и без всяких скидок на молодость. Перестали разговаривать. Я полгода с ними мирился, доказывая, что мне хотелось знать и «ту правду». И один ветеран тогда сказал, что «та правда» в том, что бойцов из отступившего батальона расстреливали случайным методом. Неважно, что могли убить самого храброго. И неважно, что батальон мог отступить не из-за трусости, а из тактических соображений — стенка, и двух из десяти на вылет.

Смершевцев, кстати, тоже стреляли. Наши же солдаты. В бою. Кто там в горячке боя разберет, откуда пуля прилетела... Помню, как один ветеран говорил: «Не все они, конечно, такие были. Борька вон души в них не чаёт — говорит,

вместе воевали и многому они меня, пацана, научили. У него вот так было... А наши были зверьё полное. И нас после войны с ранами и контузиями кого на заводы, кого в лагерь... А им каждый год — санаторий. У них там тоже своя градация была. Одни реальное дело делали, другие доносы строчили, третьи делали все, четвертые только командовали и т.д. Так вот тех, кто хорошо воевал, их после войны — на другую войну. Кого на Украину бандеровцев истреблять, кого на Дальний восток, кого «в поле» в Европу. Ну а тех, что ничего не мог — в санатории. Тех из них, кто был на Украине, в Японии в живых очень мало, да и те чуть ходят. Те, кто воевал в санатории — живы и бегают, разве что баб уже не трахают».

И такая правда есть. Их очень много, этих военных правд. А тот скупой на слова ветеран мне сделал подарок, который по значимости, наверное, перешибает все подарки, которые мне кто-то когда-то делал. Он не рассказывал о войне, но, как оказалось, все писал. И в один прекрасный день выдал мне две внушительных кипы листов: одна кипа — «Воспоминания», а вторая — «Руководство». Сказал мне тогда: «Ты, наверное, писателем будешь. На вот — я тебе сам написал, чтоб легче было. Фотографий там почти нет, схем много, фамилий тоже. Я всё помню. И ещё кое-что там есть».

Заставил меня поклясться, что пакет с «Воспоминаниями» я распакую только после его смерти (заверив меня, что ему осталось недолго), а «Руководство» можно уже сейчас — «вдруг, не дай Бог, пригодится, это надо знать «до». И спросить пока ещё есть у кого, если что не поймешь».

Я спрашивал... «Воспоминания» мы с ним вместе и прятали, так, что «никто не найдет, а если даже вдруг — то не прочтает». Подробно мне объяснял, почему некоторые вещи нельзя держать дома. И где и как нужно «хоронить» важные вещи, чтобы ты всегда мог их быстро найти и достать, а никто другой — не мог. Первый мой серьезный урок конспирации, очень жесткий и жестокий, кстати. Никаких соплей. Как сейчас помню его совсем не старческий рык: «Хотел знать — получай», когда я осоловелыми глазами смотрел, что и как он делает.

Возня с пацаном отодвинула смертельную болезнь, поэтому жил ветеран жил гораздо дольше, чем предполагал на момент расставания с этими бумагами. Кстати, запретил это когда-либо печатать под его именем: «Себе, если писать будешь, в качестве эпизодов бери, меня вспоминать не смей». И тоже заставил поклясться. Я тогда ему ответил, что никогда ничего печатать не буду, не скотина же я, чтобы не свое под своим именем. Ответил:

— Дурак... Ты сможешь это напечатать только тогда, когда это моё станет уже твоим. Когда сам сможешь написать так же. Когда авторство уже значения иметь не будет. ...У победы, кстати, тоже не было авторства. Чушь, что её ковал Сталин, Жуков, кто-то ещё. Победа — это были такие стихи, которые ушли в народ. Народные стихи.

Он много раз говорил, что написал только то, что видел сам, без всяких купюр. В числе прочего и про то, как сажали в лагеря тех, кто с ним воевал. И его самого. После того, как написал о сей несправедливости очень известному фронтовому корреспонденту. Сказал: «Где увидишь его книгу — плюнь на неё. За нашу память».

На книги я не плевал. Память чтил и чту по-своему. Но это уже — моя правда.

Мечтать опасно

Я был очень болезненным ребенком. Однако всю жизнь мечтал быть военным или врачом. Надо мной все смеялись: какое там — от физкультуры освобожден. А я мечтал. Мне говорили — ты будешь великим медиком-теоретиком. А я не хотел теоретиком. Я хотел на реанимацию.

Хотел в Суворовское. Меня не приняли ни в медицинский, ни в Суворовское.

Пацаном юным, когда наши вошли в Афган, в мечтах всегда хотел быть там, Афгане. Помню, когда в 1986 году показывали репортаж о действиях наших войск в Афгане, был сюжет о хирурге нашем, который там оперировал под обстрелом. И я мечтал, чтоб стать таким же. Бродил по улице, и представлял, как я так же, как он, спасаю кого-то в Афгане.

Домечтался. Стал и медиком, и военным. Военная деятельность с медицинской пересекалась, когда в составе ОМСН²⁷ летал хирургом в Чечню и Афган. Причем в Афган вообще летал в первый раз, ещё учась в вузе. Нужно было прооперировать нашего посла. Перевозить — ну никак. Группу возглавил наш величайший хирург²⁸. Ассистировать предложил мне. Все обалдели от такого его выбора: была очередь из профессоров. А он — студента в ассистенты. Я вышел из аудитории, поехал туда, куда сказали, сел в вертушку. Полетели.

...Только мы «размылись», обстреляли нашу машину. Наших задело не сильно, а пацаненка афганского — сильно.

²⁷ Отряд медицины специального назначения

²⁸ Федор Григорьевич Углов (1904-2008) — выдающийся отечественный хирург, ученый и педагог.

Его мать на руках притащила. Она работала медсестрой в той больнице и знала, что сюда медики из России приехали. И орала: «Только шурави!»²⁹ По-русски орала. Тамошние медики сразу сказали — без вариантов. Ранение сердца, правого легкого, левой почки, правого голеностопа... Как она его вообще доволокла, и как он дожил до госпиталя, до сих пор не понимаю. Видно, очень жить хотел.

Хирург тот величайший рывкнул на меня: «Что стоишь, словно рожать собрался?! Иди туда!» Пошёл. И вроде сделал всё как надо. Рука не дрогнула. Два осколка от стекла поймал рукой. Ребята потом шутили: «Ты ещё только пули не научился ловить». Увы, научился.

Мне тогда один афганский медик, прекрасно знающий русский, сказал: «Спасибо, шурави. Я воевал против вас. Но вы всегда были мужиками. Хоть на войне, хоть сейчас». Подарил мне очень дорогой сувенир. Не в плане денег дорогой, а в плане памяти.

Он, парень этот, уже уехал их Афганистана. Ему сейчас двадцать два. Тогда было десять. И приехал ко мне в мой город. Минута счастья была, когда мы с ним пришли на торжества ветеранов Афгана по поводу юбилея вывода наших войск оттуда.

... Так что мечтать действительно нужно осторожно

²⁹ Русский

Стихореанимация

Знаете, что такое психореанимация? Примерно вот так. Человек стоит уже почти на пороге окна. Не истерик. Все без шуток. Ты с ним разговариваешь. И обещаешь ему за 15 минут написать стихи про него. И РОВНО ЗА ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ ПИШЕШЬ. И если бы я не написал эти строки, то человека бы не стало. Знаю четко. Не удержал бы. Не при мне, так слегка позже бы ушел. А награда мне, что этот «пацан в бушлате» с чистой душой и большим сердцем стал мне Другом. И не вышел в окно. Хотя до этого оставалось «полстука сердца». Как профессионал говорю.

И снова ночь.
И снова сниться мне война.
Хочу я прочь.
Туда, где тишина.
Хочу я прочь.

Туда, где без потерь.
Но — снова ночь...
И снова я — один...

Мне тяжело, поверь...
От этого по жизни не сломаться...

Но снова ночь. И я опять бродил
По кладбищу своих реанимаций...
И снова пил за ту девчушку я,
Которую на Скорой вез в больницу...
Не смог тогда я сделать ни х..

...В слезах своих хотелось утопиться...
...Кто видел, как рыдают мужики,
Поймет о чем сейчас я вам глаголю.
Не вычеркнуть из жизни той строки,
И не залить той боли алкоголем...

...Пытался память утопить в вине.
Но снова ночь...
И вновь я на войне.
Бегу я прочь
Поближе к тишине...

Но снова я в ночи,
И ночь во мне кричит,

И снова снами я разорван в клочья,
И снова я один...
Лишь дружба тех, кому сумел помочь я

Ценой своих седин
Мне шепчет тихо — ты, брат, не один.
Живых еще нас очень-очень много
И вместе жизни мы пройти дорогу
И испытать то, что дано нам Богом

Сумеем...
Друг друга мы по-братски грея
Теплом пусть и израненных,
Но все же сильных душ своих...
Держись, братишка, я уверен, встанем мы,
И выпьем, как бывало, на троих...

Эти строки я писал человеку, находившемуся в сильной депрессии. Человеку, прошедшему войну. Парню, который видел ВСЁ. Писал только из-за него. Потому как не до стихов мне пока. Но — братишкам в помощи не могу отказать... А тут почувствовалось, что нужны стихи. И постфактум знаю, что все было правильно. Верный стих, вброшенный

в душевную рану, может сделать гораздо больше, чем десятки психотерапевтических сеансов.

Пик отношений

Мне посочувствовали по почте, что случилось пройти войну. Спасибо за участие... Но. Я не жалею, что война была в моей жизни. Даже не знаю, как сказать... Разве строками Юлии Друниной:

Но ничего прекрасней нет, поверьте, —
А было всяко в жизни у меня! —
Чем защитить товарища от смерти
И вынести его из под огня.

Или своими словами:

...Худо было мне, люди, очень,
рассказать кому — не поверят.
Мне полмира хотелось в клочья
разорвать во хмельной истерике.

Оттого хоть, что в эту осень
аж два друга ушли дуэтом...
...Худо было мне, люди, очень,
но кому интересно это...

А загонщики ближе и ближе,
уже слышен их пьяный ор.
Ну суди же меня, суди же!
Ну суди, господин прокурор!

Я все вытерплю — суд и нары:
не удастся вам справить тризну.
Со своею хмельной гитарой
дальше вас я пройду по жизни.

Знаю, хочешь дать срок побольше,
но оставь ты меня на воле:
наказания нету горше
каждый день видеть бездну боли.

Я себе сам судьбу составил,
себе срок свой я сам отмерил.

Зря смеешься... Давай местами,
поменяемся, коль не веришь.

...Проникающее ножевое.
Не спасти... Слишком поздно доставлен.
...Мать в приемном от горя воет...
Посмотрел, прокурор, представил?

...Огнестрелка в брюшную аорту...
...ЧМТ от удара бутылкой...
Если б ты, сукин сын, работал, —
Я б полсмены сидел в курилке.

...Не надеюсь давно на судей,
Тех, что каждому срок готовят.
Только знаю, что вспомнят люди,
По-хорошему меня вспомнят

За спасенных, бывало, чудом,
Про песни, что пел без склада,
И про то, что мне было худо —
Никогда вспоминать не надо...

Я никогда не забуду, как мы с товарищем, который меня перевязывал, ржали, что лишь только касательное, когда меня шваркнуло пулей... А могло быть во много раз грустнее.

Я оперировал сам своего близкого друга... Было дело.

...Меня мой близкий друг реанимировал. Было дело.

Я НИКОМУ НИКОГДА НЕ ПОЖЕЛАЮ ПРОЙТИ
ВОЙНУ.

Это так. Там безмерно страшно, да.

Страшно видеть кишки друга. Безмерно страшно. Ещё страшнее его спасти.

Страшно «качать» сердце твоего братишки.

Страшно ждать «вертушку», когда времени совсем не.

Но. Там ПИК ОТНОШЕНИЙ. Там такая Дружба, которой в мирной жизни практически не сыскать. Это даже не дружба — Братство.

И когда мне в этот год стало невозможно жить, на мою защиту встали эти люди «крайних профессий» — боевые офицеры, врачи-реаниматологи, психологи, моряки... Все те люди, с которыми я делил свою жизнь и хлебал суп жизни из одной тарелки.

...Когда-то мы несколько раз сыграли спектакль. Памяти наших погибших Друзей.

С ребятами молодыми, у некоторых на лацкане уже имелась Звезда Героя России.

И в конце спектакля я выходил и говорил примерно так: «Все награды на груди и звезды на погонах у актеров — не реквизит. Настоящие. А что у кого-то у нас зубов нет или лица в шрамах, так это не главное в жизни. ГЛАВНОЕ в том, что — мы не предали Друзей, Призвания и Всех Вас. И дрались из всех сил и сухожилий, даже когда этого не было возможно сделать. И «делали чудо» — выскакивали за флажки».

Мы не были зрителями на спектакле войны. Но даже когда хотелось на все плюнуть и просто посидеть в зрительном зале, жизнь снова и снова звала на эту нашу военную сцену. Хотя бы за тем, чтобы погибающих друзей спасать. И мы снова и снова поднимались играть этот страшный спектакль. Очень страшный, но. Мы вот стоим перед вами обнявшись на этой сцене и в очередной раз понимаем, что братства, пронзительней, чем наше, — нет.

...Все было просто: мы без слов

Вставали брат за брата.

И уважали пацанов

В истершихся бушлатах.

Черный тюльпан

Я выступал в Чеченской школе, вел мастер-класс, а потом что-то вроде творческого вечера. Людей много, сидели на партах. А я лекции всегда с гитарой читаю. Пел очень сильную вещь Александра Яковлевича Розенбаума. Все стояли во время исполнения. И в это время — обстрел.

С медицинско-спасательской точки зрения было нужно все резко прекратить. Но знал, что чеченские дети не простили, если б я не допел куплета. Я допел, не сбившись ни на ноту. Когда-то в схожих условиях дооперировал человека. А ребяташки достояли, даже взглядом не показав, что испугались... И вот ради таких ребят, которые стояли, не шелохнувшись, пока пули свистели (а они свистят страшно), и пою, и живу, и лечу.

И когда потом говорил ребятам: «Спасибо, что не запаниковали, а достояли твердо и мужественно», они мне сказали ответное «Спасибо». За то, что я песню допел. Это был «Черный тюльпан»:

В Афганистане, в черном тюльпане,
С водкой в стакане мы молча плывем над землей.

Скорбная птица через границу
К русским зарницам несет ребятишек домой.

В черном тюльпане те, кто с заданий,
Едут на родину милую в землю залечь.
В отпуск бессрочный, рваные в клочья,
Им никогда, никогда не обнять теплых плеч.

А перед тем долго рассказывал про войны всякие, и про Афган в частности. И их «спасибо» было даже не «спасибо», а нечто большее... Не сказать словами... И потом, спустя дни мне отзвонились ВСЕ родственники тех пацанов и девчонок, которые были в том классе, и все сказали практически одно и то же: «Вот таких русских, как Александр Яковлевич, как вы, мы уважаем. И если чего вдруг вы только номер наберите...».

Потом был паршивый случай. Я давал интервью. И рассказывал об этом. И интервьюер мне так ехидно-злобно говорит: «Врёте. Не встали бы чеченцы под песню еврея».

Интервью не вышло. Потому как после этих слов я ему наступал по голове микрофоном. Сорвался, да. Но не жалею об этом. Вот несколько. Потому как такие слова мог произнести только последний дурак.

...А дети чеченские тогда встали. И стояли, не дрогнув,
под обстрелом...

Памяти ребят

Лихую стопку опрокину
Сегодня снова я за сына
Ну и затем еще немножко
За Виктора и за Сережку

С которыми мы хлеб спецназа
Лишь по душе, не по приказу
Делили на троих по-братски...
...Мне было суждено — остаться.

И видеть в снах своих бои,
Когда все по уши в крови,
Когда в чужой, когда в своей,
Когда в крови своих Друзей

Друг друга взбадривая матом
Навскидку мы из автоматов

Вели стрельбу по сукам этим
Из-за которых Дети наши
Сегодня в скорбном списке павших...

Надеюсь, нас они простят,
Не за себя мы — за ребят...
Чтобы за них, за молодых
И в 20 лет уже седых

Мы, кто еще на этом свете
Как можно реже пили Третий...

Сережка уходил на моих руках. Спецназ. Наград — не перечислить. Сколько мы с ним вместе прошли — не сказать... Получив «отсроченное смертельное ранение», безуспешно оперировался в госпитале Бурденко. Помню, когда оба лежали в госпитале, и у меня пошло резкое падение давления, и меня откачали, как он со слезами сидел рядом со мной. А спустя несколько лет ...у меня даже слез не было уже.

Он рассказал мне о трех вещах, которые ему хотелось бы сделать до смерти. Одна из них — посетить могилу отца Александра Меня. Зная, что я немного стихотворствую, он

спросил: «А сможешь что-то написать памяти А.Меня?»
И получились вот такие строки, листочек с которыми мы
положили на могилу отца Александра.

...Стояли люди за оградой,
Звучало вечное «Прости...».
Как много всех их было рядом,
Но в тот момент никто спасти,

Увы, не мог... И сердца стук
Безмолвным всхлипом заглушая
Шептали молча на прощанье
Посмертное «спасибо, друг...»

...Не верю в «его с нами нет», но
Сквозь в горле взорвавшийся ком
Смотрел я сквозь слёзы на этот
Цветами усыпанный холм.

И все же — не верю в потерю,
Плевать на рассудка ножи...
Ведь всем нам воздастся по вере,
А значит — он рядом. Он жив.

Пункт два — съездить в Чечню. Было там ему одно место очень памятно. Съездили. Слетали, вернее. На свой страх и риск. И когда я, теперь уже один, каждый год посещаю то место, я всегда чувствую, что он рядом. Это не объяснить словами и уравнениями. Как не объяснить и то, что мне в том месте всегда как-то жизненно-весело, невзирая даже ни на какие маложизненные ситуации, если таковые случаются. Не страшны они мне. Так как я чувствую там, что он — со мной. А значит, случись чего, смерть рядом с Таким Другом — самая высшая награда, которая только может быть.

...Это на его могиле я проспал много ночей.

Как-то мы с Сережкой случайно встретились. Он был в Чечне, в очередной бесчисленной командировке, а я туда вообще не должен был тогда ехать. Но пришлось. И так получилось, что прилетел туда же, где и он был...

...С теми его ребятами, которыми он командовал, я дружу по сию пору. Потому что нам пришлось делать такое, что невоенным объяснять бесполезно. Со мной туда тогда еще один генерал приехал. Боевой, не паркетный. И мы с ним «командовали» боем. В кавычках, потому что большую часть времени боем командовал Сережка. Так как мы с генералом попали в такую бяку, что нам было не до командования — сами едва отстрелялись...

...И в этот год те ребята, с кем мы тогда, мне помогли ... не сказать как.

А меня тут недавно похоронили. И памятник есть. Реальный. Открываю почту: «Максим Валерьевич, смотрите — памятник вам есть». Первая мысль — ну все совсем с ума рехнулись. Открываю фото. На фото памятник «Памяти погибших в Чечне в...

И среди прочих моё ФИО. Большими буквами белом на черном. С указанием звания, должности. Всё так. Смотрю на другие фамилии — всё так. Были такие там тогда. Но три человека из этого скорбного списка живы. Так случилось. Как в песне «Друг мой, стопку дели на троих, — столько нас уцелело в лихом разведвзводе»...

Красивый памятник. И венки красивые. И курсанты около него на День Победы стоят...

НА ПРОЩАНИЕ

Мне Бог подарил дружбу с великими людьми. Это ли не счастье?

Счастье было, когда приехал в Афган. Как это ни странно. Мне всегда хотелось там побывать. Я вырастал на рассказах своих старших товарищей про эту войну. И когда приходил цинк, мне было стыдно, что я не там, не с ними. Величайшим счастьем было, когда меня наградили той ещё Советской наградой за Афган.

Счастье было, когда я людей спасал. Когда получалось. Особенно детишек.

А бывало то, что считал несчастьем, потом оказывалось счастьем. Я считал несчастьем, что в шестнадцать лет у меня появился сын. Я не знал, что делать. И что только не делал. Даже самоубиться хотел. А потом, когда я с очередной бл...дской смены на реанимации возвращался вообще никакой, и он неожиданно — пап, пойдём, покупаемся... Это было счастье.

Счастье, когда я с Владимиром Львовичем Леви сидел на его кухне и пел ему песни.

Счастье быть дружным с Друзьями. Которые как братья. А некоторые таковыми и являются. Понятие «названный брат» для меня не слова, а жизнь.

Счастье, когда один известный артист на своем концерте, когда я уходил к уж не знаю какой собаке, сказал залу: «Прошу поаплодировать мужику, который спас огромное количество людей, который... (ну и далее по тексту - МК). И который сейчас уходит». Перед этим он набрал меня. Я тогда был за границей на лечении.

...И эти аплодисменты воскрешают. Настолько, что я даже сумел прочитать свои стихи. И люди потом аплодировали 15 минут. Стоя.

Счастье, что мне довелось познакомиться с участником того легендарного Евпаторийского десанта 1942 года, который встречался с Высоцким, после чего Владимир Семенович написал одну из самых любимых моих песен «Черные бушлаты».

Счастье, что я сумел в том году, несмотря на всё, написать музыку к одному фильму, и режиссер сказал, что это — шедевр, по сути, классическое произведение. А он так мало кому говорил.

Счастье, когда написал на почту человек, что он меня считает своим Учителем и Наставником. Это счастье, когда у тебя остаются последователи.

Счастье, что у меня Родители, которые позволяли мне всё. И не настаивали на учебе и т.д.

Счастье, что у меня была прабабушка, которая... Ну которая была для меня не сказать чем. Она прошла войну. Учила меня, шестилетку, играть в карты — говорила, в жизни пригодится. Пригодилось не раз. Она меня много чему научила...

Счастье, что есть в этом мире книги, стихи, музыка, картины... — благодаря которым ты ощущаешь себя не простым смертным, а частью чего-то Великого и Доброго.

Счастье, что есть в этом мире Фанские и другие горы.

Счастье, что не всё в этом мире построено на конъюнктуре и сугубом прагматизме. И что, к примеру, в издательстве нашу книгу ждали два года, зная, что я болею. И не расторгли договор. А, наоборот, все только помогали.

Счастье, что не вышел дураком. Хотя это — вопрос спорный.

Счастье, что я могу вам всё это написать, а потом открыть бутылочку пивка и её выпить. ☺

Редактор Г.В. Резапкина.

Подписано в печать 12.11.2012. Формат 70*108/16

Гарнитура Minion Pro. Печ. л. 9,5

Тираж 500 экз. Заказ № 4543

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

ООО «Ваш полиграфический партнер»,

ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6

Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com